

НЕЗАВИСИМАЯ

ГАЗЕТА

24 СЕНТЯБРЯ 1991 г.
ВТОРНИК, № 114

ЦЕНА 40 КОП. (В МОСКВЕ)

Коротко

На информацию из НКАО устанавливается цензура

ВЫСТУПАЯ 22 сентября в Степанакерте на хозяйственном активе НКАО, президент РСФСР Борис Ельцин заявил, что появилась необходимость не давать в эфир и в печать те материалы, которые приводят к обострению положения в НКАО, потому что средства массовой информации, в том числе российское и центральное телевидение, в последнее время сталкиваются с азербайджанскими и армянскими народами, нагнетают обстановку в регионе.

«Постфактум»

К сожалению, связаться с пресс-центром президента РСФСР и проверить это сообщение «НГ» не смогла. Видимо, все сотрудники сопровождаются Б. Ельциным в поездке.

Пятидесятилетний Гречев — новый пресс-атташе Горбачева

ВЧЕРА распоряжением президента СССР назначен новым руководителем его пресс-службы Андрей Гречев. Он известен журналистам, так как работал в пресс-группах во время зарубежных визитов Михаила Сергеевича, блистая иногда знанием вьетнамского языка, но чаще английского, французского. Последний список Гречева, после окончания АГМИО и до нового назначения, отмечен пребыванием в КМО СССР, «Комсомольской правде», а также в ЦК КПСС на должности зам. зав. международным отделом. Последнее свидетельствует о постоянстве президента СССР, бывшего генсека, в выборе своих ближайших помощников.

Андрей Гречев связан с журналистикой и прямо (он автор нескольких книг с политическим уклоном) и косвенно: его сын — студент факультета журналистики.

В. К.

Визит Джулио Андреотти в Москву

ВЧЕРА в ходе краткого рабочего визита в Советский Союз председатель Совета министров Италии Джулио Андреотти встретился с президентом СССР Михаилом Горбачевым. Около двух часов они беседовали в Екатерининском зале Кремля, а затем еще в течение 1,5 часа во время рабочего завтрака. Обсуждались вопросы европейской безопасности, в частности о тактическом ядерном оружии, кризисе в Югославии, тема Ближнего Востока, состоялся обмен впечатлениями по Китаю, откуда возвратился Андреотти. Поднимались также вопросы двустороннего советско-итальянского сотрудничества. Более подробно вопросы экономического сотрудничества будут обсуждаться во время предстоящего визита министра казначейства Италии Гудо Карли.

Запланированная встреча с российским президентом не состоялась «ввиду отсутствия» в Москве Ельцина.

«НГ»

Выборы в России в ноябре

МЭР Москвы Гавриил Попов высказался за проведение в ноябре в России выборов руководителей исполнительных властей на уровне краев и областей. По словам Г. Попова, в ноябре также необходимо провести выборы в законодательные органы всех уровней — от парламента России до горсоветов — по партийным спискам. При этом, подчеркнул он, число депутатов должно быть значительно сокращено.

«Интерфакс»

Коротко

ПОБЫВАВ В КАРАБАХЕ, ЕЛЬЦИН И НАЗАРБАЕВ, ВИДИМО, ПОНЯЛИ, ЧТО ЛУЧШЕ БЫ ИМ ТУДА НЕ ЕЗДИТЬ. НЕ ЗРЯ ЭТОГО НЕ СДЕЛАЛ ГОРБАЧЕВ

Айдын Мехтиев

НКАО

ВЕСТЬ О ВИЗИТЕ Бориса Ельцина и Нурсултана Назарбаева в Азербайджан была воспринята населением республики без особого энтузиазма. Опрос общественного мнения, проведенный оппозиционной газетой «Свобода» за несколько дней до приезда гостей, подтвердил, что азербайджанцы скептически отнеслись к способности лидеров двух соседних республик примирить враждующие стороны. Всего 12% опрошенных ответили, что визит окажет положительное воздействие на ситуацию в регионе. 35% заявили, что приезд двух президентов ухудшит ситуацию.

В Баку с подозрением отнеслись к сообщению ТАСС о готовящемся указе президента СССР по Нагорному Карабаху, а также к тому, что Советник Ельцина по национальным вопросам Галина Старовойтова в преддверии встречи в верхах отправилась в Степанакерт, чтобы подготовить армянскую общину НКАО к переговорам с Ельциным и Назарбаевым. Самолюбие азербайджанцев было задето и тем, что о приезде высоких гостей в Баку им сообщили в самый последний момент. Аз Муталибов, правда, заявил, что он лично пригласил Ельцина и Назарбаева посетить Азербайджан. Но Народный фронт остался недоволен программой визита, которая, по их мнению, недостаточно проду-

манна и составлялась без консультации с азербайджанской стороной.

Борис Ельцин и Нурсултан Назарбаев прилетели в Баку из Москвы поздним вечером 20 сентября двумя рейсами.

На следующий день в резиденции президента Азербайджанской Республики с раннего утра начались официальные переговоры Муталибова с Ельциным и Назарбаевым. Подробности этой беседы так и остались тайной. Из сообщения агентства «Азеринформ» следует только, что «на встрече был рассмотрен пакет предложений, направленных на развязывание карабахского узла». Перед началом переговоров Муталибов в своем интервью агентству «Азеринформ» заметил: «В любом случае ни одно решение не может быть принято без согласия современного Азербайджана». Пока Муталибов беседовал в своем кабинете с Ельциным и Назарбаевым, вокруг здания президентского дворца скопились около ста тысяч человек. По призыву Народного фронта горожане собрались на митинг, чтобы выразить свое отношение к визиту высоких гостей. Транспаранты, которые люди держали в руках, и выступления ораторов свидетельствовали о том, что бакинцы питают к гостям, особенно к российскому лидеру, самые добрые чувства. На митинге было сообщено о том, что лидеры Народного фронта побывали в резиденции гостей и пригласили лично Бориса Ельцина выступить на митинге перед народом. Ельцин почти готов был согласиться, но тут вмешался Назарбаев и заявил, что «выступление Бори-

са Николаевича на митинге может быть неверно истолковано». Тогда Ельцин предложил азербайджанской оппозиции сформировать делегацию для беседы с ним и Назарбаевым. По завершении официальных переговоров с руководством Азербайджана Ельцин и Назарбаев провели консультации с лидерами оппозиции, на которых, впрочем, присутствовали президент Аз Муталибов и спикер парламента Эльмира Кафарова. Ельцин и Назарбаев развеяли страхи лидеров Народного фронта по поводу возможного нарушения суверенитета Азербайджана. Они подтвердили свою приверженность принципам нерушимости границ и сказали, что не намерены вмешиваться во внутренние дела Азербайджана. Представители Народного фронта подтвердили, что переговоры с Арменией можно было бы начать, если, во-первых, Армения отменит свое решение о воссоединении с НКАО и, во-вторых, Тер-Петросян выведет из Карабаха все военизированные отряды, прибывшие туда из Армении. Ельцин предложил создать на границе Азербайджана и Армении километровую нейтральную полосу и напавшие в пограничные районы НКАО силы Организации Объединенных Наций по поддержанию порядка и безопасности разделять противостоящие стороны. На это предложение категорическое возражение лидеры оппозиции, которые заявили, что Азербайджан способен сам решить свои внутренние проблемы. По завершении встречи стало ясно: высокие договаривающиеся стороны, видимо, уклонялись не посвящая оппозицию в свои планы. Вот почему российский лидер

забегал прямого ответа каждый раз, когда делегация Народного фронта пыталась выяснить, каково содержание официального пакета предложений, с которым приехали Назарбаев и Ельцин.

Муталибов же прокомментировал переговоры следующим образом: «Ельцин и Назарбаев после встречи с руководством Азербайджана довольно резко изменили свое отношение к происходящему, и я думаю, что их позиция стала более реалистичной».

Утром 22 сентября Ельцин, Назарбаев и Муталибов прибыли в Степанакерт. В это время митинг собралось уже около 40 тысяч арианских жителей города.

Митингующие в Степанакерте приветствовали трех президентов транспарантами с надписями: «Карабах будет стоять до конца», «Свободу Карабаху», «Распустить оргкомитет», «Требуем признать Нагорно-Карабахскую Республику». Ельцин подошел к людям и сказал: «Человек много вы пострадали. Хотите воевать? Мы с Назарбаевым приехали и вам, чтобы посылить противостоящие стороны за стол переговоров. Хотите жертв со стороны азербайджанцев, армян и русских солдат, находящихся здесь? Конечно, сюда еще три года назад должен был прийти Горбачев, но мы с Назарбаевым приехали, чтобы урегулировать ситуацию именно здесь, на месте, чтобы у вас появилась вера в стабилизацию обстановки».

В здании общепита Борис Ельцин встретился с представителями армянской общины, которые совсем недавно провозгласили независимую от Азербайджана Нагорно-Карабахскую

Республику. Аз Муталибов отказался участвовать в этой встрече, поскольку не признает Нагорно-Карабахскую Республику. В то время, когда Ельцин вел переговоры с армянской общиной, на площади был похищен и взят в заложники кинооператор азербайджанской киностудии Эльхан Алгев (на следующий день он был освобожден), а корреспондент тульской газеты «Знамя» Елмас Лопат, аккредитованный в Азербайджане, был жестоко избит. На пресс-конференции по окончании визита в Степанакерт, которую передано Азербайджанское телевидение, Муталибов сказал: «Ельцин и Назарбаев не предположили всей серьезности ситуации до поездки, и теперь им предстоит решать, как выкручиваться из сложившейся ситуации. Ведь миссия у них серьезная». В тот же день, 22 сентября, президенты отправились в Ганджу, откуда Ельцин и Назарбаев улетели в Ереван и где Муталибов с азербайджанской делегацией начали готовиться к визиту в Железноводск.

Прошедшие же переговоры четырех президентов: Ельцина, Назарбаева, Тер-Петросяна, Муталибова — и представителей НКАО были восприняты в Азербайджане с открытым недоверием и даже негодованием, так как субъект Азербайджанской Республики, который должен подчиняться Конституции Азербайджана, выступил на этих переговорах в качестве независимого субъекта.

Муталибов сохраняет спокойствие. Видимо, у него есть свои (Окончание на 3-й стр.)

В НОМЕРЕ:

- ТАДЖИКИСТАН. НЕОКОММУНИЗМ ИЛИ ИСЛАМ? стр.3
- РОССИЯ И РУССКИЕ: ЧТО ЗАВТРА? РАЗМЫШЛЯЮТ ЛИТЕРАТОРОВ М. КУДАКОВА И ПОЛИТОЛОГ А. ЧИВАДА стр.5
- ИОСИФ БРОДСКИЙ: "НЕЛЬЗЯ ПРИВЫКНУТЬ К ОТСУТствию ДОВЛАТОВА" стр.7

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА», ВОЗМОЖНО, ПЕРЕСТАНЕТ БЫТЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ

Ее главным редактором избран Аркадий Удальцов

Борис Кузьминский

Пресса

РЕАЛЬНЫХ претендентов на этот пост было совсем не пятнадцать, как сообщалось в печати. Настоящая борьба развернулась между бывшим заместителем Федора Бурацкого Аркадием Удальцовым (он курировал раздел «Мир человека») и нынешним редактором Литинститута Евгением Сидоровым. Первое название — подерживая ряд ведущих обозревателей общеполитической тетради «ЛГ». Второе, не менее настойчивое, — новое руководство СП во главе с Евгением Евтушенко и Тимуром Пулатовым. Однако в четверг некоторые сотрудники газеты столь остро отреагировали на эту протекцию писательского

ведомства, что Е. Сидоров был вынужден взять самоотвод. Оказавший ему «теплый прием» свидетельствует, что конфронтация между «ЛГ» и СП СССР вышла на новый виток.

Таким образом, перед собранием трудового коллектива в пятницу стояла задача выбрать главного редактора из одногоединственного кандидата. Задача была решена успешно, и А. Удальцов получил восторженные призывы большинства голосов «прот-

ив». Удальцов имеет репутацию опытного газетчика и человека, с глубоким пренебрежением относящегося к художественной словесности. Следует ожидать, что под его руководством «ЛГ» будет более остро и раскованно освещать политические вопросы, станет современнее и профессиональнее, но для собственно литературных проблем места на ее страницах практикчески не останется. Во всяком случае против А. Удальцова, по некоторым сведениям, голосовали в основном сотрудники раздела русской литературы.

«Я ПРЕДУПРЕДИЛ ВСЕХ: КТО ПЕРВЫМ ВЫСТРЕЛИТ — ТОТ ПРОИГРАЛ»

Командующий Национальной гвардией Грузии Тенгиз Китовани намерен сдержать слово

Татьяна Малкина

Грузия

ТЕНГИЗ, что же все-таки произошло с гвардией?

— Все началось 19 августа, когда Гамсахурдия подчинился ГКЧП и стал исполнять приказы путчиштов. Это серьезное обвинение. Вы уверены в этом? — Видите ли, мы не располагаем доказательствами, но у нас есть факты. Я делаю вывод чисто логически. 19-го числа он нас вызывает и говорит: «Повиноваться всем». Даже в газетах было написано, что все приказы должны выполняться. И поднимает вопрос — о ликвидации Национальной гвардии. Он предложил переподчинить гвардию МВД. Тут он прощитался. Я ему говорю: «Какая разница, расформировывать гвардию в составе МВД или как самостоятельную единицу? Это же все равно вооруженное формирование...»

— А как он это объяснил? — Я же говорю, он просто выполнил приказ. — Патрикеева? — Нет, ГКЧП. Сюда приезжал заместитель Язова генерал Журавлев. — Тенгиз, для вас это было неожиданно? Ведь вы же были друзьями... — Да уж... — Что вы испытали как человек, как военный, как мужчина? — Я, между прочим, не военный. Я художник... (Смеется). Что испытать? Ну, сначала — растерянность. Я подумал, что так, наверное, нужно... Потом собрался с мыслями... Подняли гвардию, вывели из города. Сначала хотели идти в Хевсурети, но потом поняли, что это ловушка, в которой мы будем совершенно беспомощны. Вывели гвардейцев в Хони, это недалеко — километр 80. Там заняли довольно сильную позицию — смогли бы по-партизански обороняться, если бы вдруг на



Тенгиз Китовани.

Фото Василия Шапошников.

нас напали... Там и сидели. — Вы спокойно, маршем вышли из Тбилиси? — Нет, мы вышли из города так внезапно, что никто даже не успел сообразить, что же произошло. Моментально со всего города к нам стали стекаться гвардейцы. — Как отреагировал Гамсахурдия? — Он приказал вернуться в город и расформировать национальную гвардию. Подчиниться ему. Я уже тогда стал подозревать, чего он хочет на самом деле, понимаете? — А как вообще он держался 19-го? Был растерян? — Нет, не был. — Он верил, что путч победит? — Да, такая уверенность у него была. — Он не понял, что это ненадолго? — Нет, вы знаете, не понял. И вообще, в последнее время он, по-моему, оказался в каком-то вакууме. Он стал управлять потребовал разоружиться в четыре дня. Вечером того же дня сократил срок до 24 часов. Он обратился вместе с Асатиани к родителям призывников: мол, верните своих сыновей, которые

так понял, что бесполезно разговаривать с ним... — Потом вы выбрали этот лагерь? — Нет, до 5 сентября у нас были запланированные маневры. А к их окончанию он приказал вернуться обратно. Но я уже решил не выполнять его приказа, потому что это было бы губительно для гвардии. — А для вас это было бы губительно? — Нет, для меня — нет. Я вообще тут никакой роли не играю. Здесь речь шла о жизни тысяч молодых людей... — А гвардейцы позволили вас арестовать? — Что вы! Конечно, нет. — А предатели были среди вас? — И предатели были. Но очень мало. — Что же предпринял Гамсахурдия, поняв, что вы вышли из подчинения? — Он озлобился. Такая машина заработала против меня просто ужас. По телевизору потребовал разоружиться в четыре дня. Вечером того же дня сократил срок до 24 часов. Он обратился вместе с Асатиани к родителям призывников: мол, верните своих сыновей, которые

там на краю гибели, в нечеловеческих условиях... А мы, между прочим, сразу, еще раньше, распустили призывников, а все, что осталось, еще добровольцы. И родители стали, как паломники, приходить к нам. Но уходили ни с чем. Потому что мы все, кто остался, еще 28-го числа в Кони, в церкви Святой Марии, дали клятву, что никому не поддадимся и будем стоять до конца за республику. Тогда я понял, что мы должны хранить верность народу, а не президенту. — Что же будет дальше? Вы стоите здесь, Гамсахурдия — там, нервничает... — Ну, он бесится, потому что мы сейчас — единственная сила. Между прочим, не будь нас, давно началась бы гражданская война. — Он вас боится? — Да, сейчас я понял, что он боится. Сегодня приходили писатели, передавали, что он просил их: «Удержите Тенгиза от этого». — От чего «этого»? — Ну чтобы я не выступал отсюда против него. — А вы собираетесь? — Нет. Между прочим, я против него вообще ничего не имею. Я его старый друг и остаюсь другом. Но этого он не понимает. Я — стабилизатор. Между оппозицией и правительством Звиада каждый день может вспыхнуть пожар, как 2 сентября. Когда Гамсахурдия отдал приказ стрелять в людей. — А если бы вы не было сейчас, он стал бы стрелять в свой народ? — Возможно. Нас не было в городе 2-го — и это произошло. Теперь же, я думаю, он побоялся. — Шавабада удержит? — Я предупредил всех: кто первым выстрелит, тот проиграл. — Сколько же вы будете сидеть в этом лагере? — Пока не будет политической стабилизации в городе. Пусть сами политики договариваются. Решат, что нехорош Гамсахурдия — пусть будет другой. А какой — решит народ. Мы в политику не вмешиваемся, это

ШЕРЕМЕТЬЕВО-2: НАЙДЕН ПОСЛЕДНИЙ МЕШОК С ДОЛЛАРАМИ

Подвыпившие грузчики Шереметьева-2 могли бы украсть 3 млн. долларов

Александр Баринов

Преступность

ЭТО ДЕЛО должно было стать самым сенсационным расследованием в истории отечественной криминалистики за последние десятилетия. Те, кто холодным де-



Старший следователь следственного управления КГБ СССР В. Мусич и сотрудник управления по борьбе с организованной преступностью КГБ СССР В. Молчанов перед оставшимися от второго мешка 165 тыс. долларов. Еще 110 тыс. пока лежат в кубышках гостиницы. Фото Дмитрия Борко.

кабрьским утром 1989 года не считалась двух мешков с 800.000 долларов в прибывшей накануне в Шереметьево-2 самолетом из Нью-Йорка партии валюты, наверное, так и думали. Теперь уже известно, что валюту украли подвыпившие грузчики аэропорта. И, как сказал один из следователей, если бы грузчики взяли бы все 8 мешков с тремя миллионами долларов, то похитителей вряд

(Окончание на 6-й стр.)

ПОЛИТИКА

ПАТРИАРХ ИЛИА II ВНОВЬ ПРИЗВАЛ К ДИАЛОГУ

и предостерег от применения оружия

Нодар Броладзе

Грузия

ВОСКРЕСЕНЬЕ в течение дня к народу несколько раз обращался президент. Он снова призвал население защитить парламент и законное правительство.

«(Республика Грузия) опубликовано заявление, которое он подписал вместе с членами парламентской и неправительственной оппозиции. Патриарх вновь призвал к диалогу, в котором он выразил готовность сам принять участие, и предостерег от применения оружия.

А у телецентра уже вторые сутки стоят бронетранспортеры и автоматическая артиллерия. Со ставляются списки добровольцев. Идет раздача оружия — добровольцам — доверяют в основном винтовки. В здании телецентра отключен свет. Перед зданием охраняемым гвардейской техникой, на перекрытой улице — сотни тысячи людей, в руках у них горящие свечи.

В информационной сводке прозвучало сообщение о начале переговоров властей и оппозиции.

Председатель фракции «Демократический центр» Нодар Натадзе объявил, что конкретные требования на ближайшее время таковы: прекратить насилие, призывы по телевидению и радио, защитить парламент, срочно созвать сессию ВС Республики Грузия; мирный диалог без давления властей. Остаются в силе прежние требования, в том числе об освобождении политзаключенных.

22 сентября утром в Шавнабаде, где дислоцируется гвардия, вышла в эфир радиостанция, призвавшая «сплотиться в защиту демократического движения». Напомним, что еще 5 сентября руководство гвардии распространило прокламацию с заголовком: «Завыл на митинге известный кинорежиссер Эльдар Шенгелая».

(после событий 2 сентября. — Н. Б.) нарушить права человека, то Национальная гвардия выступит на защиту народа. Однако народ не только у телецентра, он и у Дома правительства, куда приходят из райцентров и сел «на защиту законной власти» людей, по мнению оппозиции, нередко мало посвященных в суть происходящих процессов.

Я стал случайным свидетелем беседы двух сельчан: «Дома дел много, а сидим здесь», «В Тбилиси 1,5 миллиона жителей, почему бы их не поставить здесь вместо нас?»

«Нельзя манипулировать сознанием малообразованной части общества в угоду интересам власти», — заявил на митинге известный кинорежиссер Эльдар Шенгелая.

«ЗАЧЕМ МНЕ УХОДИТЬ В ОТСТАВКУ?»

Гамсахурдия — о переговорах с оппозицией

В ЧЕРА Зинаид Гамсахурдия дал интервью Би-би-си, где изложил свою версию событий 22 сентября, в том числе и хода переговоров с оппозицией, которые состоялись в резиденции патриарха Илиа II. — Эта оппозиция, что действует против нас, оккупировала здания телецентра и создала вокруг военного лагеря. Там находится часть Национальной гвардии, которая мне не подчиняется, а также значительное число криминальных элементов.

— Но вели ли вы с ними хоть какие-то переговоры? — Я им предлагаю переговоры, но они отказываются. Они требуют моей отставки в ультимативной форме. — Так вы совсем не встречаетесь с оппозиционными группами? — Я встречаюсь с представителями парламентской оппозиции. Я говорю только с парламентской оппозицией, поскольку другая оппозиция я не признаю. — С кем вы встречались? — С членами парламента Бараташвили и Джихамидия.

Национальная гвардия. Криминальные группы объединились с некоторыми политическими партиями, которые нам враждебны, а также с некоторой частью интеллигенции. Их направляет Москва, которая добивается дестабилизации в Грузии, для введения чрезвычайного положения. Оппозиция пытается организовать переворот. Это хунта, военная хунта. — Оппозиция требует вашей отставки. Собирается ли вы податься в отставку? — Зачем мне уходить в отставку? Пять миллионов грузин поддерживают меня, а против выступают всего три тысячи человек.

Перевел с английского А. П. Фельгенгауэр

ПОБЫВАВ В КАРАБАХЕ, ЕЛЬЦИН И НАЗАРБАЕВ, ВИДИМО, ПОНЯЛИ, ЧТО ЛУЧШЕ БЫ ИМ ТУДА НЕ ЕЗДИТЬ.

НЕ ЗРЯ ЭТОГО НЕ СДЕЛАЛ ГОРБАЧЕВ

Окончание. Начало на 1-й стр.) расчеты. В самое ближайшее время выяснится, о чем же говорил Муталибов с Ельциным, какую долю ответственности взял он на себя и как он сможет ответить за все последствия, к которым приведет его дипломатия на переговорах с Ельциным и Назарбаевым. Прогнозы политологов и наблюдателей в Азербайджане, судя по их выступлениям по радио и телевидению, не оптимистичны.

— О каких пунктах идет речь? Назарбаев: — О тех пунктах, по которым мы нашли взаимопонимание всех сторон... Очень хорошо было бы, если бы о них мы не говорили заранее, а сказали бы потом, после того, как нам удастся добиться принятия этого коммюнике.

Азербайджан НЕМЕДЛЕННО прекращение вооруженных нападений армянских боевиков на территории Республики Нахичеванской Автономной Республики по инициативе председателя Верховного совета (парламента) Нахичевана Гейдара Алиева.

Через народных депутатов России Шабада и Попова, которые были приняты в Верховном парламенте Нахичевана, руководителем Армении переданы предложения, суть которых сводится к следующему. Для ведения следствия об убийстве жителей Нахичевана создается следственная группа, в которую входят представители прокуратуры СССР, Армении и Нахичевана. Все причастные к убийству должны быть арестованы и содержаться в Нахичеване на гауптвахте 75-й дивизии. Кроме того, Армения передает Нахичеван несколько взытых ранее в Нагорном Карабахе и Азербайджане заложников, гарантируя безопасность движения по железной дороге и выражает соболезнование родственникам погибших.

Гагик Карапетян

ПРИМЕРНО в 15 часов 22 сентября Ельцин и Назарбаев приземлились в ереванском аэропорту Звартноц. Туда же незадолго до этого прилетел министр обороны СССР Евгений Шапошников. По пути к машинам у Ельцина и Назарбаева было буквально несколько мгновений для общения с прессой. Президентом охраняло подразделение дивизии Держинского и большое количество личной охраны в бронетехнике и с автоматизированным оружием. Аэропорт был полностью парализован: самолеты не взлетали и не садились. Около 16 часов начался закрытый обмен мнениями между делегациями России, Армении и Азербайджана.

Ельцин: — Естественно, речь пойдет о немедленном прекращении кровопролития. Но завтра мы обо всем расскажем подробно, сегодня мы не хотим делать для вас исключение. Везде должно быть паритет... Тут дело тонкое, мы не склоняемся ни в ту, ни в другую, ни в третью сторону. Мы соблюдаем нейтралитет. Назарбаев: — Я хочу сказать, что мы, как посредники, считаем своим долгом добиться того, чтобы хотя бы заложить первые шаги к «круглым столам» переговоров. Если нам сейчас с Борисом Николаевичем удам, с руководителями республик удам, с руководителями осово переговоров процесса, мы будем считать свою миссию посредников выполненной.

Председатель Верховного меджлиса Нахичевана Гейдар Алиев оценивает эти условия как компромиссные. В телеграмме Левону Тер-Петросяну он подчеркнул, что они содержат определенные уступки со стороны Нахичевана, и выразил надежду на их положительное восприятие руководством Армении.

После окончания встречи ее участники были остановлены журналистами на ступеньках здания Президентуры ВС Армении. Ельцин: — Мы фактически обсудили тот же комплекс вопросов, который вчера и сегодня обсуждался в Степанакерте и Баку, с некоторыми нюансами. Мы пришли к выводу, что по ряду вопросов позиции совпадают. И по этим позициям мы завтра должны собраться в Железноводске... Мы хотели бы подписать коммюнике, которое содержало бы пять-шесть пунктов, с которыми были согласны все стороны. Это первое. А второе — заявить, что организуем специальные делегации трех сто-

Владимир Десятов (аэропорт «Минводск» Железноводск) В ЕЩЕРОМ 22 сентября делегация вылетела в Минводск, где в течение дня продолжался сложный диалог. В результате был выработан текст коммюнике по итогам поездки. Корреспонденту «НГ» удалось познакомиться с текстом еще не подписанного документа. В нем, в частности, указывается на то, что в первую очередь необходимо прекратить огонь в зоне конфликта, затем в двухдневный срок провести выборы и восстановить конституционные органы власти; в шестидневный срок возратить депортированное из зоны конфликта население и обеспечить его полную безопасность — эту функцию взяли на себя все договаривающиеся стороны. Также признано необходимым, чтобы присутствие в области контролируемых нейтральных воинских подразделений, как, например, «голубые береты» ООН.

ЗАЩИТА ЖУРНАЛИСТОВ С НАРУШЕНИЕМ ПРОЦЕДУРЫ

Человеческая жизнь — выше дипломатических канонов

Анастасия Горемыкина, Юрий Леонов.

СБСЕ

ПРЕДЛОЖЕНИЕ сопредседателя советской делегации на Московском совещании Конференции СБСЕ по правам человека Юрия Дербинова, назначенного недавно заместителем министра иностранных дел СССР, о принятии совместного обращения участников СБСЕ по поводу судьбы двух советских журналистов, пропащих в Югославию, вызвало критику американцев, а затем и французов, так как явно не соответствовало процедурным требованиям СБСЕ, согласно которым конкретный случай в конкретной стране не может быть предметом обсуждения.

В беседе с корреспондентами «НГ» в тот же день Дербинов сказал, что считает необходимым в тех случаях, когда речь идет о человеческой судьбе, выйти за рамки традиций и процедур СБСЕ. «Человеческая жизнь — выше дипломатических канонов», — добавил он. Эти же аргументы были приведены советской делегацией на пленарном заседании, и никто из присутствовавших не возразил против самой идеи обращения. Чтобы уйти от прямого нарушения процедуры, в фойе зала заседаний (т.е. формально — вне его) были поставлены столы, где лежали подписные листы. Выходя из зала, главы делегаций ставили под обращением свои подписи.

Коротко

Грузия

«Д ЕЙСТВИЯ Гамсахурдия — узурпация власти. Он уже незаконный президент», — подчеркнул депутат парламента Грузии Давид Бердзенишвили на пресс-конференции представителей оппозиции в Москве.

Было сообщено, что в результате столкновений сторонников президента с оппозицией скончалось три человека, а количество раненых достигло шестидесяти. Сопредседатель Союза свободных демократов Илан Хандрова сказал, что вопрос об отставке Гамсахурдия с поста для не снят.

Азербайджан

О РГКОМИТЕТ национальной организации «Азербайджан», как предполагается, станет альтернативным парламентом. В нем будут представлены все оппозиционные силы. В оргкомитет вошли видные представители оппозиции, среди которых нынешний председатель меджлиса Народного фронта Тахир Ватадзе и другие лидеры оппозиции. Учредительное собрание состоится 24 сентября. Один из лидеров оппозиции Элибей Мамедов вышел из Народного фронта и объявил о создании партии «Независимый Азербайджан». Он уверен, что сейчас необходимо созвать «круглый стол» с участием нынешнего президента Муталибова, члена правительства и представителей Народного фронта.

Казахстан

РАНО УТРОМ 24 сентября в Ала-Ату прибывает с официальным визитом официальная делегация Германии во главе с министром финансов Тео Вайтлем. Предполагается, что основными пунктами предстоящих переговоров станут обсуждение перспектив финансового сотрудничества Казахстана с Международным валютным банком и Европейским банком реконструкции и развития, а также помощь немцам, проживающим на территории Казахстана.

Армения

ПЕРВЫЙ заместитель председателя ВС Армении Бакир Араркян привел цифры по итогам республиканского референдума о независимости. В нем участвовали 2.056.692 человека, что составляет примерно 95,5% от взрослого населения Армении. «Да» независимости сказали 2.042.617 человек, что составило 94,39% от всего числа избирателей республики, или 99,31% от всех участников референдума. Около 10 тысяч участников референдума, или 0,49%, сказали «нет» независимости Армении.

Коротко

НЕОКОММУНИЗМ ИЛИ ИСЛАМ?

Выборы на фоне борьбы кланов

Игорь Ротарь

Таджикистан

Н ЕУДАВШИЙСЯ путь предпринял президент Республики Таджикистан Кахар Махкамов был вынужден поддаться в отставку. Впрочем, повторство путчам было лишь внешним поводом для завершения карьеры «главного человека» республики. На Востоке не любят славы. Судьба Кахара Махкамова была предсказана в феврале 1990 года, когда в осажденном ЦК Компартии Таджикистана он подписал заявление об отставке.

пенсию партийный функционер становится правоверным мусульманом, исключая грехи прежней атеистической жизни.

Впрочем, за годы перестройки социалистические декорации исламского жизненного уклада слегка пообветшали. В годы застоя «дань» коммунистическому режиму воспринималась, как плата за возможность следовать религии предков. Открытое же проявление религиозных чувств нередко преследовалось. Так, например, если ребенка видели в мечети, его родители ожидали крупные неприятности. «Легализация» ислама обуславливает постепенную отмену былых декораций. Новое течение — своеобразный вид реформаторства фундаменталистского толка — появилось среди нового поколения исламского духовенства. «Реформаторы» настроены более ортодоксально, чем их старшие «коллеги»: они решительно отвергают сотрудничество с коммунистическим режимом, многие из них выступают за создание исламской республики. Влияние «реформаторов» растет — движение получило политическую окраску в лице Исламской партии возрождения, но все же на сегодняшний день их сторонники в меньшинстве: «новым» веления не сразу прививаются в осторожно-осмотрительном традиционном таджикском обществе.

Другая специфическая особенность Таджикистана — самый низкий уровень жизни в СССР. По этому показателю Таджикистан «опережает» остальные среднеазиатские республики. По данным официальной статистики, за чертой бедности живет 60% населения республики. Средний заработок колхозника до апрельского подорожника составлял 55 руб., а в некоторых горных районах — ниже 20 руб. Небольшая плата в Таджикистане практически не повышается, а во многих колхозах и совхозах до сих пор не выплачивали компенсации. Достаточно актуальна и проблема безработицы. В республике, где трудоспособного населения около 2,5 миллиона, зарегистрировано 230 тыс. безработных, общая же численность населения составляет 600 тыс. Нищета и низкий уровень образования — привычные спутники: годовые затраты сельского жителя на покупку книг, газет и журналов составляют 29 копеек.

Немало опасности для будущего Таджикистана таит и проблема регионального самосознания. В республике распространена шутка «Памир таңтез, Кулб оҳоназет, Курган-Тюбе паеш, Душанбе производит, Ленинадб торует и правит». Подмеченные в этом афоризме противоречия ныне проявляются далеко не в шуточной форме. Вспыхивают «локальные войны» между таджиками из разных местностей, уже стали традицией «межрайонные» драки. Нередко таджик из соседнего региона воспринимается большим чужаком, чем представитель другой национальности.

Одна из причин, затрудняющих консолидацию таджикского этноса, — последствия национально-территориального размежевания, проведенного в Средней Азии в 1924 году. От таджиков можно нередко услышать: «Память народа отошла к Узбекистану, нам остались лишь одни безликие дома-«коробки». Действительно, в 1924 году от Таджикистана были оторваны древнейшие заселенные таджикские города Бухара и Самарканд. Республика оказалась лишенная исторического и культурного наследия.

Внутриэтническая разобщенность усиливается борьбой кланов. Борьба за посты в командном звене ведется между кланами, представляющими крупные регионы республики: Гармским, Ленинадбским (ныне Ходжентским), Памирским и Кулябским. Долгие годы власть

удерживали ходжентцы. Смена статус-кво может привести к неожиданным результатам. Республика и ныне проявляет симптомы сепаратизма: об отделении поговаривают на Памире и даже в Ходженте. Переход же власти к новому клану может усилить центробежные тенденции. Не исключена и возможность возникновения «афганской проблемы» на территории Афганистана, по разным оценкам, проживает от 3 до 7 млн. таджиков, в то время как в самом Таджикистане их около 3 млн. При наступлении политической кризиса тяга к «родственной» республике может заметно усилиться.

Достаточно серьезной для нового независимого государства остается проблема русскоязычного населения (более 10% населения Таджикистана). Непузыряемые феодальскими событиями «исковерканные» население воспринимает «коммунистические установки» как единственный способ защиты перед нарастающим исламским движением. «Я — убежденный антикоммунист. Но для меня лучше, чтобы этот проспект носил имя Ленина, а не, скажем, Исламской революции», — доводилось слышать автору. Большинство русскоязычного населения — ярые сторонники таджикских демократических движений: понятия «местный демократ» и «националист» для них нередко тождественны. Даже в Демократической партии Таджикистана, которая входит во «всероссийную» Объединенную демократическую партию, доля русскоязычного населения ничтожна. Положение таджикских демократов достаточно плачевно: их не поддерживает русскоязычное население, демократические идеи абсолютно чужды малообразованному, обремененному нищетою таджикскому крестьянству. Остается единственной опорой достаточно немногочисленной прослойка национальной интеллигенции.

Итак, реальных «соперников» на предстоящих выборах два: прежняя командно-административная система и Исламское движение. В активе аппарата — многочисленные безоговорочные политические и экономические господство, контроль над дефицитными товарами. Резко повышены шансы аппарата традиционной для среднеазиатского общества авторитет правящих структур как символа Власти. Существует победа «системы» и практически безоговорочная поддержка русскоязычного населения.

Единственная возможная преграда на пути аппарата к победе — противобоевые исламского духовенства. Ныне казист (Духовное управление мусульман Таджикистана) совмещает функции: организаторное духовенство безоговорочно признает оппозицию о приращивание сельскими Компартия Таджикистана. В беседе с корреспондентом «НГ» Духовный глава мусульман Таджикистана Казикалон Хаджи Акбар Туррадзонода сказал, что казист не будет поддерживать кандидатуры Рахмона Набиева («ходжентский» клан) (предшественника Кахара Махкамова), Кадриддина Аслонова («гармский» клан) (председателя Верховного Совета Республики Таджикистан) и Изагулло Хаёева («кулубский» клан) (премьер-министра республики), так как они «люди прошлого». Но окончательный выбор кандидатуры для поддержки казист еще не сделал. На сегодняшний день Казикалон твердо уверен в одном: президентом Таджикистана должен стать человек, способный предотвратить раскол республики.

Сам Казикалон пока отказывается баллотироваться на пост президента республики, считая, что выше духовное лицо не должно управлять государством. Но, увы, похоже, исламский Таджикистан — единственная альтернатива некоммунистическому.

РЕСПУБЛИКА НА ПОРОГЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ?

На всей территории Таджикистана введено чрезвычайное положение

Джавахира Кабиллов

С ОБЪЯВИЛИ митингов двух дней — последний съезд Компартии Таджикистана, объявивший о ее самороспуске, перманентные митинги в центре Душанбе, демонтаж памятника Ленину — привели к тому, что обстановку в республике накалялась до предела.

Противостояние сил, их характер наглядно проявляется в многотысячном митинге в центре столицы республики. Здесь собрался ветераны Коммунистической — теперь Социалистической — партии Таджикистана, с одной стороны, и сторонники

Принято также решение о прекращении деятельности в Таджикистане Исламской партии возрождения. Принята отставка исполняющего обязанности президента Таджикистана Кадриддина Аслонова. Парламент избрал на этот пост Рахмона Набиева, занимавшего пост первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана с 1981 по 1985 год, а затем — председателя республиканского общества охраны природы. По непроверенным данным, из прилежавших к Душанбе сельских районов движутся большие группы людей, призванные в столицу Исламской партией возрождения.



УНИВЕРСАЛЬНЫЙ АКЦИОНЕРНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК

УНИКОМБАНК

прямой правопреемник Московского областного управления Жилсоцбанка, его отделений и норильского отделения Промстройбанка (Красноярский край)

УНИКОМБАНК

имеет разветвленную сеть из более, чем 40 филиалов, высокую репутацию у своих более 15 тысяч клиентов.

УНИКОМБАНК

за полтора года - с начала 1990 года, увеличил объем выдаваемых кредитов с 2 до 5,5 миллиардов рублей. Ожидаемый за 1991 год оборот по кредитным операциям составляет 40 миллиардов рублей.

103699, МОСКВА,
Хрустальный пер. д., 1
Телефон 925-34-62

УНИКОМБАНК

Имеет лицензию на проведение международных банковских операций, позволяющую вести валютное кредитно-расчетное обслуживание клиентуры.

Объявленный уставной капитал банка - 600 миллионов рублей, количество его акционеров уже превысило 2000, из них более 1300 - частные лица.

УНИКОМБАНК

В августе 1991 года для юридических лиц и граждан УНИКОМБАНК объявил открытую подписку на свои акции. Распространяются именные акции номинальной стоимостью 50, 10 и 1 тысяча рублей каждая.

Результаты работы банка в 1991 году, его стабильность и устойчивость обеспечивают выплату по акциям УНИКОМБАНКА дивидендов в размере не менее 15-18 процентов.

УНИКОМБАНК

оказывает все виды банковских услуг, среди которых:

- комплексное расчетно-кассовое обслуживание,
- все виды кредитования,
- предоставление банковских гарантий по коммерческим операциям,
- комплексный экспертный анализ рисков при проведении коммерческих операций,
- привлечение средств в депозиты и вклады, в том числе от граждан
- факторинг,
- лизинг,
- операции с ценными бумагами,
- финансирование капитальных вложений и инжиниринговые услуги.

БАЛАНС УНИВЕРСАЛЬНОГО АКЦИОНЕРНОГО КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА УНИКОМБАНК

	млн.рублей	
	01.01.91	01.07.91
АКТИВ		
Касса	36,0	36,7
Средства на расчетном счете в Госбанке СССР	—	—
Счета в банках - корреспондентах	10996,8	31321,7
Дебиторы банка	—	36,3
Кредиты, выданные банком	4056,0	5443,7
Ценные бумаги, паи и акции, приобретенные банком	—	3,4
Здания, сооружения и др. основные средства	7,0	9,9
БАЛАНС	15095,8	36851,7
ПАССИВ		
Уставной фонд	—	200,0
Резервный фонд	—	6,6
Другие фонды	16,0	16,9
Расчетные и текущие счета предприятий, организаций и кооперативов	1804,0	4325,5
Счета банков-корреспондентов	11342,8	27202,3
Срочные вклады и депозиты предприятий, организаций и кооперативов	1516,0	1513,7
Вклады граждан	12,0	23,8
Кредиты, полученные у других банков	27,0	10,2
Кредиторы и другие обязательства банка	—	25,3
Прибыль	44,0	129,9
Прочие пассивы, всего	334,0	3397,5
в том числе:		
- расчеты с госбюджетом	284,0	3290,3
- средства для финансирования капвложений	50,0	107,2
БАЛАНС	15095,8	36851,7

НАЦИИ

Алексей Кива

КОГДА А. КАБАКОВ с экран телевизора обращается к нам со словами «дамы и господа», это с неприязнью несколько режет слух. Но когда я думаю, какую мразь мы годами называли «товарищами», мне становится совсем не по себе. Впрочем, их и господами называть нельзя, скорее, «партизаны», по выражению Е. Бондарева.

Ю. Бондарева. Или А. Макашова. Или В. Жириновского. Другой вопрос: как сегодня может и должна состояться великая Россия? Конечно же, не как новая империя. Не как милитаристское государство. Не как «старший брат» в новом Союзе. На мой взгляд, огромную, неистощимую созидательную энергию россиян (русских, евреев, немцев, украинцев, татар и т. д., живущих на этой благодатной земле) надо превести на колесо созидания. И здесь перед нами пример Японии. Это поистине великая держава, ее величие в отличие от нас покорится не на тысячах танков, ракет и сои генералов, Великие Япония — высокоэффективной экономике, технике, технологии, современной политической системе, высоким жизненным уровнем граждан, в рациональных формах организации

“И мы, великорусские рабочие, полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на веческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий.”

В.И. Ленин, “О национальной гордости великороссов”, ПСС, т. 26, стр. 108

ли — и не раз — это чувство, понимаемая при этом, что это глубоко личная и соответствующая мимика далее не ведущая эмоция. В чувствах своих мы не волюны (так одна женщина, смеясь над собой, призналась, что ревнует некоторых знакомых мужчин к их женам); другое дело — действия.

ПОЛОЖЕНИЕ русских — особенное. Те из нас, кто живет, скажем, в Северном Казахстане (всюлжупу упомянутый российский правительством в недавние дни область Союза, область эта станет рано или поздно спорной, и споры, надеюсь, разрешатся в мирно), да даже и южнее, привычки считать (или чувствовать), что, по-прежнему, за ними, где-то за их спиной — огромная страна Россия (хоть офи-

свое жилье, или примут гражданство, скажем, Латвии (где их, как известно, половина), или станут гражданами России, проживающими постоянно в Латвии. Одни из них будут иметь (или продолжать иметь) работу в Латвии (как люди одних стран подолгу живут в других, получая там работу), другие, возможно, будут зарабатывать деньги за ее пределами. Это будет личный выбор, частная жизнь, которая никого не касается, кроме самого человека, которая защищена будет от всяких вмешательств «Декларацией прав». И, может быть, замечу в скобках, право на то, чтобы тебя оставили в покое, окажется не менее, а более ценным, чем право на сомнительное первенство. Чего опасаются русские, остающиеся жить в отделившихся

дел на ней четыре года, все поглядывая сверху: что-то делается? И вот увидел — дошло до Волги! Он прыгнул и уже идет лаптя! А если наш народ обуяется, чтобы выйти из кабы на волю, он на лачку снова не полезет! И полтора года, прошедшие с тех пор, вплоть до августовского финала, это ощущение подтвердили — полтора года готовности к действиям (подготовленные предшествующими четырьмя годами сильнейшего внутреннего распрекошения) привели нас к непреклонной решимости отстаивать свободу.

В ночь с 19 на 20 августа рядом с нами, людьми далекими от всякого предпринимательства, стояли молодые и не очень молодые предприниматели — они отстаивали право продолжать свою деятельность, то

но нашему берегу. Счастье только на избитых тропах — избитых, то есть опробованных многими; недаром и Пушкин, на которого ссылаются в России и по поводу, и без повода, вспоминал эту пословицу в поворотный час своей жизни. Мне всегда казалось, что Россия — страна непредсказуемых возможностей как в сторону зла, так и в сторону добра. Дорогу зла мы, будем надеяться, прошли до конца, вымостив ее телами соплеменников. Нам осталось проявить столь же безбрежные наши возможности движения в сторону добра.

РОВНО два года назад я писал об особенном положении русского народа: позволю себе повторить тогдашние оценки — в качестве теперь уже исторического сви-

ЧТО БУДЕТ С РОССИЕЙ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ?

То же, что и всегда, — она будет великой и мощной мировой державой

всяком случае в социальной среде, из которой нравственность изгоняли целенаправленно, систематически. Глубоко заблуждаются те, кто полагает, что общественный процесс полностью подконтролен людям, в частности руководителям. Что могут руководители, даже самые сильные и популярные, — так это учитывать объективные тенденции, смягчать их негативные последствия, более или менее адекватно реагировать на общественные потребности, на вызовы времени.

Империя распалась. Это реальность. Но реальность является и то, что еще сильны создававшиеся ею в течение десятилетий структурные, реально-трагические массовое сознание, особенно русскоязычного населения. Реальность — глубоко укоренившееся сознание немалой частью населения бывшей империи своей причастности к величайшей державе мира, играющей выдающую роль в системе международных отношений. Реальность — понимание многими из нас той горькой истины, что мир с нами — читается лишь постольку, поскольку у нас есть около 30 тысяч ядерных зарядов, и относился к нам с благожелательным и огромным сочувствием лишь до тех пор, пока мы, паче чаяния, не обнаружим своей несостоятельности как нация, несостоятельная порвать с иррациональным образом мышления и действия, с нецивилизованными стереотипами поведения.

Но такой же реальностью является и то, что России на роду написано быть великой державой, и никуда от этого не уйти. Надо постараться понять: Союз появился и исчез (или исчезает) у нас на глазах (по крайней мере в его имперском облике), а Россия была и будет. И горе тому политику, который решится пойти наперекор этой реальности. Россия просто не может не быть великой державой. Это ее крест. Рок. Это ее долг перед всем остальным миром. Это проистекает из ее «генкода», истории, геополитики. Это ее предназначение, если хотите, Божий промысел, не знаю, как точнее это выразить. Есть какая-то высшая предопределенность, и тут ничего не поделаешь.

Именно поэтому меня очень насторожила слова глубоко уважаемой мной Елены Георгиевны Бондар о том, что она не будет молчать, если Б. Ельцина «и дальше понесет в великую Россию». Сие от Бориса Николаевича не зависит. Что от него зависит, так это увидеть в самом зародыше объективную тенденцию и среагировать на нее адекватно. Если хотите, пойти на опережение, что он и делал в последние годы, вызывая у многих непонимание, раздражение, резкое противодействие. И в этом проявилось его качество как крупного политика.

научных исследований, культурной и общественной жизни. Но в такие моменты, когда внешняя опасность угрожает безопасности в считанные месяцы, смогла бы создать мощный ракетно-ядерный потенциал. Наша задача облегчается тем, что такой потенциал у нас уже есть. И это тоже реальность. И когда меня недавно спросили американцы, что будет с Россией через десять лет, то я ответил, не задумываясь: то же, что и всегда, — она будет великой и мощной мировой державой со всеми присущими такой державе атрибутами. А на вопрос о том, что может привести к поражению демократии, помимо экономического обвала и, следовательно, социального взрыва, я рискнул сказать: пренебрежение национальной идеей, точнее говоря, российской державностью. Ведь страна, в сущности, переживает то, что переживали народы других стран после распада империй, и процесс национально-государственного строительства неизбежно фокусирует внимание общества на национальном факторе. И задача заключается не в том, чтобы игнорировать эту данность или отвергать ее по соображениям высокой нравственности, а в том, чтобы направить развитие постимперского процесса в рамки цивилизованности. Тем более что общество еще долго будет оставаться бедным, неструктурированным, с сильными пережитками тоталитарного мышления и тоталитарной психологии.

Теперь вопрос о так называемых территориальных претензиях России. Думаю, что он излишне драматизирован. Вне сомнения, территориальная целостность республик — гарант стабильности в отношениях между государствами, бывшими субъектами Союза. Но как быть с правом нации на самоопределение? Мы должны были уже десять лет убедиться в том, что признав Карабах неотъемлемой частью Азербайджана, не решили проблему. Напротив, идея обострилась. И здесь надо изобретать велосипед. Существует международная практика решения спорных территориальных вопросов. В частности, с помощью плебисцита были успешно решены территориальные споры между Францией и Германией. Решающее слово все должно быть за самими народами.

Коммунализмом ушел в прошлое. Беспорочно пошел в прошлое диктатура мы не застрахованы. И уж если она случится, то диктатура лишь посягает на абстрактные рассуждениям насчет незначительности претензий России на право оставаться Российской и на обиды в тех или иных кругах по поводу неточных заявлений о возможном пересмотре границ. А чтобы правая диктатура имела меньше шансов на успех, надо уже сейчас думать о том, как будет чувствоваться и, соответственно, вести себя многонациональное русскоязычное население в тех или иных республиках. Неужели кому-то неясно, что игнорирование до поры до времени этой проблемы как раз и породило движение «Союз», когда на предательство интересов русского населения стали претендовать латыш Агниске, остины Чеховы, белорусы Петрушенко и т. д. Уверен, что скандалов много, но не порывается, но что делать? В конечном итоге я тоже не русский. Надо смотреть открыто в глаза реальности. А они и в том, что на обломках империи уже возникают жесткие диктаторские режимы, не очень-то склонные считаться с правами человека. Закрыть на это глаза?

Вопрос о религии. Прежде всего о православии. Невооруженным глазом видно, как в православии потонули открытые реакционеры, особенно из среды неоязычников, а в последнее время и коммунисты-фундаменталисты, преисполненные тех, кто уничижал церкви и глумился над религией.

Вижу и другое. Православная церковь все тверже осуждает коммунизмом, порывает со своим действительным прошлым, когда ради самосохранения иерархи церкви должны были быть полны к преступному режиму, она становится на сторону народа. И это наглядно проявилось в поведении церкви во время вступления Б. Ельцина в должность президента России и особенно во время путча, когда и представители церкви были среди защитников Белого дома. Нельзя не видеть, что большевик оставил после себя зияющую пустоту в духовной жизни нации. Что ее заполнить? Я не вижу другой субстанции, кроме религии. Конечно, не в чистом виде, а как важнейший компонент, какой гуманистической идеологии.

У одних народов это будет христианство, у других — ислам, у третьих — иудаизм... Это неизбежно. Будут ли пережитки? Наверняка! Наверняка будут попытки вернуть к жизни языческие, архаические атрибуты религии, возродить все то, что связано с известным постулатом «Самодержавие, православие, народность». Вряд ли этому в современных условиях удастся осуществиться, но даже такое сочетание мне куда ближе, нежели недавнее «Родина, партия, коммунизм».

Адекватны ли мы в своих оценках цивилизованных форм демократии на развалинах тоталитаризма? Увы, я не убежден, что в условиях разноречивых центробежных тенденций и конфликтов нам удастся обойтись без сплечающих общество объединяющих идей, без той или иной степени авторитаризма. В нынешних условиях — в рамках Российской Федерации.

Самыми сильными объединяющими идеями являются доведенные до крайности национализм (германский фашизм), религия (шинский фундаментализм) и идея классовой избранности (диктатура пролетариата). Это нам явно не подходит. Что еще можно. Но ведь и это потребует выбора — некой духовной работы, усилий души и воли. Ведь тогда надо отдать, наконец, действительно русским — не только по рождению — представителям русской культуры в инонациональной среде. Это совсем не рутинный процесс, и отнюдь не каждый к нему готов.

Для многих право остается за Россией, а в другой республике — это то, что может быть, обидно прозвучат мои слова, но выхода нет никому, как стараться назвать своим, не право пребывать в своей культуре, антизападничестве, а возможность оставаться вне какой-то особый путь развития — не коммунистический, но и не капиталистический. Но это уже бесплотные идеи. Мифы. Фантомы.

Так вот, представьте себе, что скоро у нас будут выборы союзного президента, парламента, возможно, каких-то иных представительных органов. Быстро организуют партию, в том числе защищающую коммунизмом, унитарную великодержавность, национализм, исключительность той или иной нации и т. д. С чем выйдут демократы? С какими объединяющими идеями? При том, что жизнь тяжела, недоверие народа перелазит через край, и им тут-то и окажется так. Вот почему в первые же месяцы — теперь уже будущие в незапамятные годы! — обострения национальных движений с таким недоумением и недоверием, а затем и с живую отнюдь обидой и только потом — с активным неодобрением восприняли эти люди чье-то острое ощущение своей национальности и стремление к независимости по этому признаку.

Маризтта Чудакова

В ОТ и кончили. Никогда не уезжая, сидя в своих квартирах, мы оказались в другой стране. Провозвести нам это много раньше те, кто остался в одиночестве без своего дома и чье положение очевидно — до последнего месяца оно представляло перед нами очертания с экрана телевизора ежечасно. Обратимся к неочевидному — к сегодняшним чувствам миллионов людей, не лишившихся крова, но чего-то лишившихся, — граждан бывшего Союза Советских (как-то трудно выписывать полностью эти — не сегодня, а десятилетия назад — лишившиеся смысла, опустошенные слова) Социалистических Республик. Союз стал былым в течение нескольких лет. Беспочвенно, которое испытывают бывшие сограждане, родились не сегодня, не завтра кончится. Снять его совсем невозможно. Единственный путь к облегчению — говорить о том, что мучает, как можно было откровенно и пытаться осмыслить собственные смутные чувства.

Что же беспокоит? Рискну предположить, что в первую очередь — совсем не угроза ухудшения быта, ущемления в реальных правах — на жилье и работу — и даже не предчувствие возможного унижения. Это — то, что люди выдвигают как аргумент в спорах, в прямой борьбе, нынче называемой конфронтацией. За этим стоит нечто более сильное, но то, что гораздо труднее сформулировать — не только для подданных над головой, плаката, но и самому себе.

Это — необходимость выбора — не где жить, а кем быть? Сегодня многие граждане советской национальности, ни о какой иной раньше не помывшие (социологические опросы годовой примерно давности показали, как велик их процент среди населения Союза), вынуждены будут отодвигать себя с теми, кто добился независимости, ясно сознавая свою национальную принадлежность. Именно в этих условиях люди вспоминают свою исконную национальность. Более всего среди них русских — потому хотя бы, что это самая многочисленная часть Союза.

А может быть, удастся не отодвигаться с большинством той республики, в суверенных границах которой они неожиданно оказались? Да, возможно. Но ведь и это потребует выбора — некой духовной работы, усилий души и воли. Ведь тогда надо отдать, наконец, действительно русским — не только по рождению — представителям русской культуры в инонациональной среде. Это совсем не рутинный процесс, и отнюдь не каждый к нему готов.

Для многих право остается за Россией, а в другой республике — это то, что может быть, обидно прозвучат мои слова, но выхода нет никому, как стараться назвать своим, не право пребывать в своей культуре, антизападничестве, а возможность оставаться вне какой-то особый путь развития — не коммунистический, но и не капиталистический. Но это уже бесплотные идеи. Мифы. Фантомы.

Так вот, представьте себе, что скоро у нас будут выборы союзного президента, парламента, возможно, каких-то иных представительных органов. Быстро организуют партию, в том числе защищающую коммунизмом, унитарную великодержавность, национализм, исключительность той или иной нации и т. д. С чем выйдут демократы? С какими объединяющими идеями? При том, что жизнь тяжела, недоверие народа перелазит через край, и им тут-то и окажется так. Вот почему в первые же месяцы — теперь уже будущие в незапамятные годы! — обострения национальных движений с таким недоумением и недоверием, а затем и с живую отнюдь обидой и только потом — с активным неодобрением восприняли эти люди чье-то острое ощущение своей национальности и стремление к независимости по этому признаку.

КОВЧЕГ ИЛИ КОРАБЛЬ?

У кого отвоевывать русскому народу Россию? Его лишили своей страны, и при этом не у кого ее просить обратно

циально и не имеющая долгие годы такого названия), что, во-вторых, в каком-то смысле он живет в пределах прежней Российской империи — и, значит, у себя дома, на земле его не отцов, то дедов, и что, в третьих, они, конечно, живут в общине на всех странах СССР, где главенствует опять-таки Россия, где столица — Москва, где государственный язык — русский.

В то же самое время было очевидным — и в Казахстане, и в азиатских республиках или северокавказских автономиях — формирование национальных кадров: с одной стороны — создание неосвоенных привилегий (все эти «целевые» аспирантуры, произимские кортупции), с другой — ущемление прав тех же людей (в первую очередь — невозможность говорить и писать на родном языке).

Выводы ли русские? «Это уже империализм! — закричит российский работник. — Да он (кто он?) Да кто-то другой) в сто раз лучше меня живет! Чем и его притеснял? Да еще русский сформировать — не только для подданных над головой, плаката, но и самому себе.

Вспомните вину можно уже, кажется, оставить. Последняя декада августа, как при взрыве, осветила картину и сильнейшим образом умерила взаимные счеты — как-то всем сразу стало ясно, что более всего виноват. Пора уже думать не о том, кто виноват, а о том, что делать.

А между тем все еще продолжается откровенный разговор о Союзе как единственном средстве спасения от притеснений национальных меньшинств в республиках — как о царе Солломне, способном принять мудрые решения по чужим делам и примирить противоборствующие стороны. Слава Богу, мы не мытём, так канатем затанцовались без меры экспансии, но не удалось избежать. Вообще пора бы нам всем — от рядового гражданина до президента страны — перестать сопротивляться исторической реальности и, главное, выучиться узнавать ее в лицо.

КУДА БЫ ни приехали люди из нашей страны, нас считают и называют русскими. Это обидно для людей другой национальности, но и русские не чувствуют себя русскими — в анекдотах, заповедных приезде в чужую страну, в графе «национальность» мы все должны были писать до сего времени «советская»; национальность во всех цивилизованных странах совпадает с гражданством. Теперь нам предстоит пережить односмертно два процесса, чаще в истории народов переживаемые раздельно, — становление национальной независимости и становление гражданства. Страстно национальные самоутверждение одних пойдет бок о бок с необходимостью для других поступиться своей национальностью ради гражданства.

Терять национальность? Ее потерять невозможно — она определяется рождением и самоощущением. Несовпадения национальности и гражданства? Его семьдесят лет не было — мы были советскими; его нет для миллионов людей в разных странах. В мире множество вариантов сочетания национальности с гражданством. Известная славица из США всегда подчеркивает в разговорах с коллегами из других стран: «Я не американка, я австралийка», хотя и муж, и дети ее американцы. Ей трудно продолжать быть австралийкой в Америке, но она старается: каждый год в летние каникулы она стремится побывать в Австралии. А французам, вышедшая замуж за коллегу — американского сланиста и двенадцать лет уже живущая в Калифорнии, чувствует себя американкой (при этом прекрасно знающей Россию и в разговоре с русскими думающая по-русски...).

Многомиллионному и многонациональному народу распавшегося Союза предстоит реализовать множество форм национальных и гражданских самоутверждений.

Мы еще не знаем, что такое национальное чувство в условиях свободы личности и суверенных государств, а действуем так, как будто знаем. Многие защищают свои национальные права, неосознавая исходя из ситуации плетого пункта в условиях тоталитаризма или из недавней, а отчасти и сегодняшней ситуации объявленных, но непризнанных суверенитетов. Другой — нормальной, цивилизованной ситуации — мы пока, повторно, не знаем. Но она у нас рождается, и пора думать о будущем.

Мы увидим еще дробление суверенитетов — вернее, быть может, все большее и большее увеличение самостоятельности частей в рамках общего целого — государств, а действуем так, как будто знаем. Многие защищают свои национальные права, неосознавая исходя из ситуации плетого пункта в условиях тоталитаризма или из недавней, а отчасти и сегодняшней ситуации объявленных, но непризнанных суверенитетов. Другой — нормальной, цивилизованной ситуации — мы пока, повторно, не знаем. Но она у нас рождается, и пора думать о будущем.

Мы увидим еще дробление суверенитетов — вернее, быть может, все большее и большее увеличение самостоятельности частей в рамках общего целого — государств, а действуем так, как будто знаем. Многие защищают свои национальные права, неосознавая исходя из ситуации плетого пункта в условиях тоталитаризма или из недавней, а отчасти и сегодняшней ситуации объявленных, но непризнанных суверенитетов. Другой — нормальной, цивилизованной ситуации — мы пока, повторно, не знаем. Но она у нас рождается, и пора думать о будущем.

Мы увидим еще дробление суверенитетов — вернее, быть может, все большее и большее увеличение самостоятельности частей в рамках общего целого — государств, а действуем так, как будто знаем. Многие защищают свои национальные права, неосознавая исходя из ситуации плетого пункта в условиях тоталитаризма или из недавней, а отчасти и сегодняшней ситуации объявленных, но непризнанных суверенитетов. Другой — нормальной, цивилизованной ситуации — мы пока, повторно, не знаем. Но она у нас рождается, и пора думать о будущем.

Тех, кто еще недоволен «народам суверенитетов», прошу оглянуться вокруг себя — разлетелся ли четвертый день будто самый воздух вокруг меня изменился, какой-то новый, вносящий фермент появился в нем. Неужели? И без всяких выкладок стало вдруг видно: поприная, забывшая свое имя страна подняла голову, озявляя; забрехала возможность возрождения навсегда, казалось, заблужденного.

Прошел еще год, и эта возможность была удостоверена самой силой народного его отстаивания. Теперь настает наконец время ее реализовывать. «Ну что же, попробуем», — как сказал поэт.

«...Огромный, неуклюжий» — это уж несомненно — «скрипячий», — последний ли? — «...поворот руля...»

«...Все во всяком случае почти физическое ощущение того, что — вся страна, пусть и бывшая, — еще продолжающая совместное движение, — выбрала со сна якорь, подняла паруса и пустилась в путь по морю Истории в бухту Благодеятель. Мы не очень-то знаем, что это за бухта, но правим на нее.

Никто не знает, кем мы станем, когда рано или поздно туда доплывем. Останем ли русскими, казахами, узбеками, украинцами? Наверное, что да; но эти слова, возможно, получат иной по многим смыслам, чем сегодня; — иное место в кругу разных новых понятий. Наши (я употребляю это слово то ли в презрительном, то ли в неизвестном нам всем будущем новом значении) республики будут населены разными людьми; сегодняшнее меньшинство, возможно, станет в какой-то республике большинством, но понятие общего гражданства будет равно важным для тех, и других, и третьих. Возможно, мы приблизимся в чем-то к европейской ситуации, когда польская еврейка, в 20 лет приехавшая во Францию, себя через 20 лет уже считает себя французской, а историю Франции — своей, хотя она не забывала и не забудет Польшу и неравнодушна к судьбе евреев в России и в Израиле.

Так или иначе, наш корабль, составляющий худо-бедно шестую часть земной суши, пустившись сегодня в новое и неизведанное плавание, не может (другое библейское значение слова «ковчег» мы здесь не привлекаем). Он не расщепится на то, чтобы переждать на нем потоп и сохранить в неприкосновенности всю «семью братских народов». Он должен наконец поплыть!

«...Огромный, неуклюжий» — это уж несомненно — «скрипячий», — последний ли? — «...поворот руля...»

«...Все во всяком случае почти физическое ощущение того, что — вся страна, пусть и бывшая, — еще продолжающая совместное движение, — выбрала со сна якорь, подняла паруса и пустилась в путь по морю Истории в бухту Благодеятель. Мы не очень-то знаем, что это за бухта, но правим на нее.

Никто не знает, кем мы станем, когда рано или поздно туда доплывем. Останем ли русскими, казахами, узбеками, украинцами? Наверное, что да; но эти слова, возможно, получат иной по многим смыслам, чем сегодня; — иное место в кругу разных новых понятий. Наши (я употребляю это слово то ли в презрительном, то ли в неизвестном нам всем будущем новом значении) республики будут населены разными людьми; сегодняшнее меньшинство, возможно, станет в какой-то республике большинством, но понятие общего гражданства будет равно важным для тех, и других, и третьих. Возможно, мы приблизимся в чем-то к европейской ситуации, когда польская еврейка, в 20 лет приехавшая во Францию, себя через 20 лет уже считает себя французской, а историю Франции — своей, хотя она не забывала и не забудет Польшу и неравнодушна к судьбе евреев в России и в Израиле.

Так или иначе, наш корабль, составляющий худо-бедно шестую часть земной суши, пустившись сегодня в новое и неизведанное плавание, не может (другое библейское значение слова «ковчег» мы здесь не привлекаем). Он не расщепится на то, чтобы переждать на нем потоп и сохранить в неприкосновенности всю «семью братских народов». Он должен наконец поплыть!

«...Огромный, неуклюжий» — это уж несомненно — «скрипячий», — последний ли? — «...поворот руля...»

«...Все во всяком случае почти физическое ощущение того, что — вся страна, пусть и бывшая, — еще продолжающая совместное движение, — выбрала со сна якорь, подняла паруса и пустилась в путь по морю Истории в бухту Благодеятель. Мы не очень-то знаем, что это за бухта, но правим на нее.

ШЕРЕМЕТЬЕВО-2: НАЙДЕН ПОСЛЕДНИЙ МЕШОК С ДОЛЛАРАМИ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ли нашли бы. Но странный ряд недоразумений, происшедших почти в одно и то же время в Лондоне и Нью-Йорке, помог советским жуликам пожить очень недурственно в течение полутора лет.

КЛЕРК лондонского филиала Национального республиканского банка Нью-Йорка перенул одну цифру в номере накладной на эти 3 миллиона долларов. Если бы ничего не произошло, эта ошибка и осталась бы мелким недоразумением. В результате эта одна цифра на много увеличила время установления самого факта пропажи. Непосредственно же выложила валюту перед ворами, разумеется, тоже по ошибке, голландская авиакомпания «KLM», чьим самолетом валюта из Нью-Йорка, через Амстердам и Варшаву, доставлялась в Москву. Телекс из Амстердама о том, что на борту находится ценный груз, неизвестно почему был направлен не в грузовое отделение Шереметьева-2, а в пассажирское, где с ценными грузами никто не работает. А командир самолета, зная, что на борту ценный груз, открыл люк отсека, не дожидаясь прибытия вооруженной охраны.

А грузчики службы коммерческого обслуживания воздушных судов Шереметьева подослали мешки на тележки и оставили в спешном аэропорту. Слово «BANK» на мешках их заинтересовало, и в глухой ночью они вынесли один мешок в туалет, разрезали и, вытащив прямоугольную полиэтиленовую упаковку, набитую сотнями долларов в пачках по 10 тысяч, приняли окончательное решение. Без проблем вывели находку на грузовике за ворота. Тут же неподдельно закопали доллары в снег. Утром, чувствуя себя индийскими махараджами, отравились домой, к одному из грузчиков в Марфино. В ту же ночь другая группа их коллег вытащила второй мешок.

Как только Национальный республиканский банк Нью-Йорка получил сообщение от Внешэкономбанка, что вместо 8 мешков дошло лишь 6, американская сторона в течение нескольких недель, не дожидаясь выяснения всех обстоятельств, выслала в Москву недополученные 800 тысяч долларов. Нью-Йоркский банк застраховал всю сумму в «Ллойд» на время перевозки, а авиакомпания «KLM» отвечала за сохранность ценного груза не только в полете, но и за время от поступления его в аэропорт Нью-Йорка до сдачи его на склад цветных металлов в Шереметьево.

«Ллойд» в кратчайшие сроки возместил банку 800 тысяч долларов и стал единственным и полноправным хозяином утраченного имущества — в данном случае 800 тыс. долларов. Поэтому, как ни удивительно, самой заинтересованной стороной в удачном исходе расследования оказался всемирно известный «Ллойд».

Пока искали накладки, связывались с Нью-Йорком, Лондоном, Амстердамом, исследовали помойки вокруг аэропортов, ушло два месяца, и только тогда следственный отдел линейного отдела внутренних дел в аэропорту Шереметьево возбудил уголовное дело.

Вскоре одну группу грузчиков задержали. Из 400 тысяч долларов у них осталось 2 тыс. 300 и 140 тысяч рублей. А вторую банду задержали несколько месяцев назад. Они оказались посмешнее. Мешок с долларами перекочевал через водителя автомашин, на которой грузчики вывели деньги, к од-

ному шустрому коммерсанту — некоему Сергею Юшину. Тот пригрозил работникам аэропорта пистолетом и начал активную деловую жизнь. А грузчики забили горючую.

Юшин через своего друга в Бийске связывается с валютчиком Андреем Ершовым из Ленинграда. Найдя общий интерес с самим Ершовым, Сергей возвращает активную деятельность. За лето он проворачивает несколько 10-тысячедолларовых операций. В августе Андрей по частным приглашениям летает в Сингапур, потом Польшу, Германию, возвращаясь с партией импорта, который вместе с Юшиным перепродает. Сергей тем временем за 20 тысяч долларов устраивает себе заочную свадьбу (официально зарегистрированную) с неизвестной гражданкой Венгрии с красивым именем Жужанна. ОВИР готовит все документы для вы-

ВОРУЮТ ВСЕ!!!



езда на постоянное место жительства. Пока документы оформляются, Ершов решает пойти на более крупное дело. Получив еще 15 тысяч долларов, он контрабандно вывозит их в Германию и закупает крупную партию спортивных костюмов. Сергей с операции получает 300 тысяч рублей. Вскоре на знакомство к Жужанне выезжает наконец-то сам Сергей. Официально — в составе делегации одной из ленинградских музыкальных школ «для установления спортивных контактов» (?). Возвратившись в СССР, привозит партию аппаратуры. Во всех поездках Ершова и Юшина сопровождают несколько телохранителей и помощников, которые, впрочем, во все подробности происходящего не посвящаются. Ближе к зиме Ершов через знакомого таможенника вывезает себе и Сергею четыре поддельных (на настоящих бланках) сертификата формы ТС-28 (разрешение на вывоз и ввоз в страну валюты) на 20 тысяч долларов каждый. В несколько приемов по ним в Германию вывозится еще около 100 тысяч долларов.

В начале января Андрей Ершов вместе с другом покидает страну. И разворачивает в Германии бурную деятельность. Часть денег — предположительно около 40 тысяч долларов — вкладывается в гамбургское малое предприятие с ограниченной ответственностью, организованное старыми знакомыми Андрея по Ленинграду, уехавшими в Германию.

К этому времени уголовное дело, не сдвинувшееся с места за первый год, было передано в прокуратуру СССР, а в декабре 1990 года к расследованию по ходатайству генерального прокурора СССР, подключилась оперативно-следственная группа из сотрудников следственного управления и управления по борьбе с организованной преступностью КГБ СССР и МВД СССР. Похитителей первого мешка к тому времени уже нашли, и сотрудники КГБ занялись вторым мешком, о кото-

ром, кроме того, что он исчез, ничего известно не было.

2 марта брестские таможенники, сориентированные на провоз крупных сумм валюты по поддельным документам, среди прочих документов обнаружили у Юшина один из тех самых четырех сертификатов ТС-28. Тут же пока разбирались со сверхнормативными запасами Юшина водки, икры и прочих деликатесов, связались с оперативно-следственной группой, Пулковской таможенной и выяснили, что сертификат фальшивый. Хотя номер указанных 20 тысяч по нему вели лишь 3 тысячи долларов, контрабанда была налицо. Загнав машину в отдельный бокс, досмотревшая группа начала досконально исследовать ее содержимое. Вскоре в двух канистрах были обнаружены два тщательно заматываемых изоляцией и пластырем пакета с 10 тысячами долларов.

На этом счастливая жизнь Сережи Юшина, одного из немногих причастных к мешку с долларами и сумевшего достаточно насладиться их силой, завершилась. Оставшиеся у него 155 тысяч долларов Сергей Юшин перед отъездом надежно спрятал: 15 тысяч, засунув в термос, закопав в сарае у отца на даче, 70 тысяч заложил под паркет в стеном шкафу в квартире у матери, 60 тысяч отдал на хранение любовнице в коробке с видеокассетами и по 10 тысяч — заложил в раму висевшей у него в квартире картины «Юдифь» и отдал на хранение под видом «просто денег» знакомому в Ленинград. Водитель, что вывозил деньги в ту ночь из аэропорта по уговору с Юшиным, в случае его ареста спрячется в алтайской тайге у знакомого коммерсанта, который когда-то свел Юшина с валютчиками. Алтайца звали Николай Брылев, ему было 37 лет, и, отсидев три раза в тюрьме, он готов был убить водителя как свидетеля. Оперативники из КГБ задержали сначала шофера, а затем и Брылева. Но, несмотря на то, что доказательств участия его уже тогда было достаточно, Брылев от всего откасался, в том числе и от 110 тысяч долларов, которые получил от Юшина. Позже, в беседах со следователем (без записи в протокол), Николай все подтвердил и даже вознамерился вернуть отступать по подлиске о невыезде.

На этом в принципе история пока и закончилась. Следствие еще продолжается, устанавливаются связи задержанных, разыскивается спрятанная валюта. И на судебных процессах по каждой группе похитителей долларов «Ллойд» через своего официального агента в СССР — акционерное общество Ингострах — выдвигает гражданские иски на возмещение ущерба. Кроме того, «Ллойд» возможно, предъявит претензию уже «KLM». Стоит отметить, что сейчас ущерб «Ллойд» в результате кражи составляет уже не 800 тысяч, а более миллиона долларов. Сюда вошли проценты, которые «Ллойд» получил бы, если бы деньги были вложены в банк, издержки на гонорары адвокатам, специализирующимся на снижении ущерба фирмы. Однако, как сказал зам. начальника отдела Ингостраха Валентин Лепиков, по сути, советская сторона должна быть заинтересована в возврате «Ллойд» украденных долларов не меньше самого «Ллойда». Ведь страховые взносы по будущему страхованию идущих в СССР грузов будут определяться именно на основании предыдущих затрат страховых фирм. То есть в конце концов расплачиваться будут все равно советские предприятия.

Коротко

Московская школа по лондонскому образцу

В МОСКВЕ при участии Британского совета по Союзному Союзу и фонда Сороса организована Школа социальных и экономических наук. Ее ректор, профессор Манчестерского университета Т. Шанин сказал на пресс-конференции, что созданная по образцу Лондонской школы экономики и политических наук московская школа представляет собой альтернативу советской системе высшего образования, сообщает корр. «НГ» Анастасия Горемыкина. Преподавание в школе будет вестись на двух языках: русском и английском. Лекции читать приглашены ведущие специалисты в области экономики и социологии; предусматривается стажировка преподавателей в Англии.

Эти три дня

ПОГОНЬ и фуражки, а также же мушкетеры офицеров, руководивших обороной Белого дома России, с авторграфом для истории, битое стекло троллейбуса, принявшего на себя удар БТР, указы и директивы российского руководства с 19 по 21 августа, полугодный выпуск «НГ» от 21.08, личные вещи защитников и многое другое — все это стало экспонатами выставки «Эти три дня». Она была организована Советским комитетом защиты мира, фирмой «Российский музей», сотрудниками которой и занимались подбором экспозиции, совместным советско-американским предприятием «SUUS».

Загадочный метод исцеления

О КОЛО трех лет в Перовском районе г. Москвы существует клуб помощи душевнобольным «Душа человека», сообщает корр. «НГ» Марина Панкова. Основные задачи клуба — оказание психологической, финансовой и материально-бытовой помощи лицам, перенесшим психическое заболевание. Одной из главных мест в работе занимает сотрудничество с родственниками душевнобольных. Под крышей ИУ «Эгос», на базе которого существует «Душа человека», развивается сенсорный и пока загадочный метод маскотерапии, суть которого — в лепке из пластилина портрета больного, после чего наступает его исцеление. Контактный телефон 301-18-10.

С Богом, «Русь», в добрый путь!

ОБРЯД освящения совершил над новым ретропоездом «Русь», принадлежащим Московской железной дороге, священник Сокольнической церкви, «Освятить» свое дитя работники московской и внешней торговли фирмы «Желдорэкспорт» решили перед его первым зарубежным рейсом с туристами из Германии до китайской станции Эрлянэ через Монголию, сообщает корр. «НГ» Алексей Химушкин.

Коротко

КАК ЖИВЕТ РИЖСКИЙ ОМОН В СИБИРИ

Омоновцы не хотят больше заниматься политикой

Крис Хокли

МВД

РИЖСКИЙ ОМОН приглашал работать в ЮАР, Японию, Канаду, но они отказались от этих заманчивых предложений и поехали в Сибирь. Как сказал командир отряда Валерий Бровкин, только Тюмень согласилась принять их полностью, а они не хотели дробить свое подразделение. Сейчас из 250 бойцов 120 в Тю-

мени, а остальные — в других городах области. Появление этих браших ребят начался УВД Бравин объясняет сложной обстановкой в области. Рижане, вероятно, популяри не только воров и жуликов, но и обывателей этого шумного города после проверки на дорогах и в ресторанах. Один из варягов строго предупредил: — Мы зашли с проверкой в ваш кабак, а вы там находите, скажем, с девшкой. Надо встать, руки положить на стол, ноги поставить пошире. Если у вас нет ничего запрещенного и совесть ваша чиста, мы вас не тронем.

Так, например, случилось с Владиславом Павленко, командиром газеты «Труд», когда бойцы ОМОНа обсыпали в аэропорту его автомобиль и ничего подозрительного не нашли. Но журналист так и не смог получить разъяснения, чем он привлек внимание ландскнехтов из Риги.

В Сибири омоновцам хорошо. В течение первого полугодия зарплата 400 рублей. В Риге им платили меньше, но они ушли, оставив родных и близких. Командир Бровкин считает, что их «подставили политики, играющие в свои игры». Там бойцы были в постоянном напряжении, а здесь начали улыбаться, а их

командир с удовольствием поменял рижский «Космос» на местные папиросы «Казбек». Сейчас 109 человек из отряда живут в пионерлагере «Юный державец». Погода напоминает ему любимую Ригу, а злые комары дают понять, что это не Прибалтика. Местные руководители правоохранительных органов возлагают большие надежды на эту дружину. Они считают, что для борьбы с криминалами и хулиганами нужны жесткие меры — повальные обыски, массовая проверка документов.

(По материалам «Тюменских известий» и «Тюменских ведомостей»)

НАС ЖДУТ МОРСКИЕ ЧЕРНОБЫЛИ?

Никто, кроме военных, не знает истинных размеров радиоактивной опасности на морях

Юрий Мешков

Экология

НО МНЕНИЮ Джона Ларджа, ситуация с мировым ядерным флотом, особенно в вопросах безопасности, вызывает гораздо большую тревогу, чем последствия Чернобыля. В отношении Чернобыля ситуация более или менее ясна, она находится под контролем международных организаций. О том же, что происходит на атомных подводках и кораблях, а также вокруг них, почти нет достоверной информации. Между тем потенциал ядерных реакторов на флоте соизмерим — если не превосходит — с потенциалом гражданской атомной энергетики. И с этим нельзя не считаться. Парадоксально, но флот советские военные, как заметил Джон Лардж, не склонны делиться с гражданскими лицами какой бы то ни было информацией относительно экологии атомных подводок и других судов, имеющих ядерные реакторы. Причем запрет на получение информации распространяется не только на гражданских специалистов-экспертов, но и на самого министра по экологии СССР.

23—24 сентября в конференц-зале московской гостиницы «Орленок» международная компания Гринпис «За безядерные моря» проводит брифинг на тему: «Морские ядерные силовые установки и окружающая среда».

Нанануне брифинга в редакции «НГ» побывал независимый эксперт Гринпис — исполнительный директор лондонской консультационной фирмы «Лардж энд Ассотейтс», член Британского ядерного общества Джон Лардж.

В то же время советские военные охотно обсуждают ядерные проблемы флота с военными ведомствами других стран, в частности Великобритании. Промыслов, говорили о том, что после аварии на атомном ледоколе «Ленин» его реактор был попросту сброшен в море поблизости от Новой Земли. Есть подозрения, что подобным образом поступает с утратившей стратегическое значение техникой и военно-морское ведомство.

Вот уже полгода эксперты Гринпис добивались разрешения посетить Северодвинск и Североморск, где находится крупнейшая база атомных подводок и крупнейший ядерный полигон. Даже КГБ дал добро на выезд экспертов Гринпис в эти города. Сейчас ситуация, кажется, меняется.

Начиная рассекречивание экологических последствий деятельности атомного флота все равно придется. И лучше это сделать раньше, чем поздно. Дошло до того, что председатель комитета по обороне конгресса США Лес Аспин недавно всерьез пред-

ложил выделить из военного бюджета страны 1 млрд. долларов — для того чтобы СССР признал решение проблемы. Президент Буш пока не поддерживает этот отчаянный шаг конгрессмена.

Между тем в США, где сейчас ведутся горячие дискуссии относительно ядерного разоружения, только что объявлена судья, победившая для ликвидации последствий ядерной гонимы вооружений за последние 25 лет, — 40 млрд. долларов!

У Гринпис, как сказал мне Д. Лардж, есть сведения о том, что наши военные даже не очень обременили себя расходами на зоноронение соображений техники. Только на Севере брошены без присмотра несколько атомных подводок. И неспециалисту понятно, что такого рода «экономию» способна лишь привести к новым гигантским затратам, причем в ближайшем будущем.

Для начала, как признался мне Д. Лардж, его даже не интересно конкретные количественные оценки по атомному флоту. Он просто хотел бы поговорить со специалистами на месте, глядя им в глаза. «Уж поверьте мне, — убежденно говорит Джон, — мой опыт позволяет безошибочно определить, когда эти люди говорят правду, а когда предпочитают замалчивать ее другими, удобными для них формулировками».

ЕЩЕ РАЗ ОБ АПН—ИАН

Не раз уже «НГ» публиковала материалы об Агентстве печати Новости, переименованном год назад в ИАН. Сегодня мы еще раз возвращаемся к этой теме. Отчасти это действительно объясняется «благополучным» вниманием «НГ» и АПН, как замечает автор одного из текстов, — некоторые сотрудники «НГ», включая главного редактора, в прошлом работали в АПН. Но сейчас не это главное.

Сотрудники агентства (а это, несмотря на предыдущие сокращения, все еще достаточно многочисленный коллектив) вновь поставлены перед фактом — назначением на должность нового председателя правления и приходом к руководству его команды. Аллопоновцы — инаоноцы, пережившие за короткое время не одну реорганизацию, опять в волнении: что же будет с ними завтра?

Письмо в «НГ»

ГОСПОДИ, ДАЙ НАМ КОНЦЕПЦИЮ!

СПОНТАННЫЕ назначения после переименования ИАН привели ли они опять к появлению в высших эшелонах власти некомпетентных людей — дилетантов? А такая опасность существует. Так, при всем уважении к Егору Яковлеву никак не могу понять, почему и зачем он согласился стать председателем Гостелерадио. Он газетчик до мозга костей, высшего класса журналист, а телевидение и радио — это же очень специфическое производство, это же фабрика по производству зрелищ! Может быть, у него склонность к музыке, киноискусству? Вряд ли. Скорее, престижные и идеальные мотивы... побить на государственной службе.

Или вот новое назначение в ИАН Андрея Виноградова. Конечно, он работал в ИАН, был за рубежом, руководит РИА, штат которого 50 человек. Но ИАН — мировое агентство, где корреспондентская сеть разбросана в 120 странах мира, да по стране около 20 корреспондентов... А дирекция телевидения, а хозаппарат, занимающийся всеми инженерными сооружениями ИАН, пресс-центра МИД, Союза журналистов СССР?.. И Виноградов готов взвалить на себя эту ма-

хину? Взвесил ли он все, прежде чем сказал «да» кому-то там наверху?

Выступая на совете директоров ИАН, Андрей Виноградов сказал, что у него еще нет концепции дальнейшей деятельности агентства. Итак, опять пришел к руководству вроде и не дилетант, но человек без концепции. Многоисленный коллектив ИАН хорошо знает, что это такое. Четыре года мы ждали этой концепции от бывшего председателя ИАН А. И. Власова, чем только не занимался в этот период: от скупики за рубежом ширпотреба до попыток обмена советских рублей на доллары. И чем все кончилось? Вместо главных редакторов насадили директоров и сократили штат на целую треть. И вот опять руководителем без концепции. Хотя идея, кажется, есть: сократить все до предела, ибо РИА такой мостр не нужен, да и всей России сейчас не до ИАН. Но вопрос ведь в том, что все перестройщики возлагают надежды на скорое возрождение России. А раз будет вновь великая Россия, тогда ей и нужен будет ИАН со всей дорогостоящей аппаратурой, фотоархивами и опытными кадрами. Кто-то может сказать, что вот тогда и можно будет вновь создать что-то вроде ИАН. Но опыт разгрома агентства в 1976 году показал, что для воссоздания потребуется как минимум 15 лет и сотни миллионов долларов. А

не будет ли рачительнее сохранить максимум из того, что есть, тем более что печататься десятки миллионов рублей пока ничего не стоит? А что касается концепции, то давайте спросим об этом ЮСИА — у них большой опыт в этом деле.

Ветеран АПН—ИАН.

По ряду причин хотел бы остаться пока анонимным автором.

...У ХОЛЮПОВ ЧУБЫ ТРЕЩАТ

ПОЛЬЗУЯСЬ благосклонным вниманием «НГ» к АПН—ИАН, хочу сказать последнее прости агентству и поблагодарить за отчетную заботу о его сотрудниках М. С. Горбачева. Все, что произошло с ИАН за прошедший год, касается всего лишь нескольких тысяч человек — пустяк!

В августе этого года ИАН указом президента СССР передано России.

В прошлом году, если не ошибаюсь, тоже в августе, им же, в пику России, был подписан указ об упразднении АПН и создании нового агентства, но с прежним председателем. Этот указ спас Альберта Власова от пенки, а Россию вынудил создать свое агентство — РИА.

Что же касается сотрудников АПН, то несколько месяцев они жили в новой структуре и увольнении. Наконец структура была утверждена, а ее новизна заключалась в основном в закрытии некоторых периодических изданий за рубежом и создании совета директоров. Мы же, подписавшие в апреле этого года уведомления об увольнении, распрощались с АПН. Многие не были приняты и в ИАН.

В начале июня были заключены контракты. «Законтрактованные» инаоноцы начали медленно привыкать работать. (Пока что, что называется, люди, находящиеся в предувольнительном состоянии в течение про-

должительного времени, с минимальной информацией, да и то основанной на слухах, а не на достоверности, о предстоящих изменениях, не располагает к плодотворной работе.)

И вот — переворот, затем радость: переворот провалился! Еще радость: два президента наши общий язык, теперь будут строить демократическое государство сообща.

Государство для всех, но для сотрудников ИАН она ограничена новыми увольнениями. А ведь мы даже еще не привыкли к новому названию, мы все еще говорим: АПН. Нам отдали России, упразднили, как водится, прежнюю структуру. Основанием послужила позиция, занятая ИАН в те три августовских дня. Не хочу снимать вину с сотрудников агентства. Но львиную долю ее возлагаю на председателя А. И. Власова, назначенного, повторю, самим президентом СССР.

Нас опять увольняют об увольнении. И это второй раз за год! Положение усугубляется тем, что у России-то уже есть агентство — РИА, причем неплохо функционирующее, так что мы никому не нужны, а если и нужны, то в очень ограниченном количестве.

Если бы Россия все это делала в прошлом году, то и безработных журналистов было бы меньше, и результат был бы лучше.

Но в прошлом году было никак нельзя. В прошлом году Михаил Сергеевич был в стране с Борисом Николаевичем и оставил агентство себе, сделал его «президентским» (правда, без особой для кого бы то ни было надобности).

Этот год сотрудники АПН—ИАН прожили по последнему: баре дерутся — у холюпов чубы трещат. Впрочем, когда мирятся — трещат головы. Но есть у меня один вопрос, вызывающий большие опасения. А что если Михаил Сергеевич (не дай Бог!) опять поспориет с Борисом Николаевичем? Что тогда станется с остатками АПН—ИАН? Имя автора редакции известно

ДРАКА РАБОТНИКОВ ПОСОЛЬСТВА ЛИВИИ С МИЛИЦИЕЙ

Прокуратура проверяет, был ли нарушен закон

Александр Баринов

Скандал

МЕЖДУНАРОДНЫЙ скандал разгорелся в начале недели, когда автопатруль ГАИ задержал в Москве с дипломатическим номером посольства Ливии. От водителя и пассажира, по словам патрульного, сильно пахло спиртным. И ливийцы вместе с датскими поехали в отде-

ние милиции «подуть в трубочку».

Через некоторое время водитель-ливиец попросил милиционера остановиться и тут же выпрыгнул из машины, заскочил в стоявший на остановке трамвай. Не ожидая такого коварства, сотрудники ГАИ догнали трамвай, остановили его, извлекли из салона беглеца и во избежание рецидивов доставили ливийцев в ближайшее — 22-е отделение милиции. В деловой части задержанные поехали себя довольно странно: один из них заступил в рабочий одежды стулом, попы-

тался ударить другого и накинуться на дежурного, чуть не разбив при этом стекло-перегородку. При этом оба ливийца, как сказано в написанных потом милиционерами рапортах, разговаривали на ломаном русском и вперемешку с правильно произносимой нецензурной бранью оскорбляли самих сотрудников милиции и высказывали неуживчивые к СССР и РСФСР. Чтобы успокоить буяна-водителя, на него были надеты наручники. После чего второй ливиец заявил, что они являются сотрудниками посольства Ливийской Арабской Динамехии в СССР и ИХ есть дипломатические кар-

точки. Наручники тут же были сняты, и иностранцы действительно предъявили карточки. Ливийцы, однако, не ушли. Они требовали, чтобы милиционеры отдали большие суммы денег, которые патрульные якобы взяли у них. Милиционеры вызвали «скорую помощь», генерального консула Ливийской Арабской Динамехии в СССР и сообщили в ГАИ и районную прокуратуру. Проверили патрульную машину, одежду, личные вещи сотрудников ГАИ и отделения, но денег не обнаружили.

Районная прокуратура проводит проверку дела.

PELICAN LTD.

Господа предприниматели!

В жизни и так много трудностей, так к чему же создавать лишние...

Знайте, брокерская фирма «П Е Л И К А Н» круглосуточно работает только для Вас и ради Вас.

Адрес офиса: 109017, Москва, 1-й Казачий пер., дом 6, строение 3.

Телефоны: 230-12-04, 231-93-90, 231-61-39, Факс: /095/ 230-12-04.

ИСКУССТВО

НИЧЬЯ В ПОЛЬЗУ «ПРАВЫХ»

Мы играем в шахматы, а с нами — в кегельбан

Вл. Новиков

Конфликт

Лидия Николаевна Тынникова, помню, рассказывала, как в военные годы играли в войну дети во дворе. Одной девочке выпала роль Гитлера. Чтобы поскорее отделаться, она делала на землю и бестроговорно: «Наше дело было. Победа будет за нами. Я умер».

А я вот сижу и растеряно думаю: как же получилось у «левых» (то есть прогрессивных) писателей, что их дело сегодня в глазах значительной части общества выглядит неправым?

Сначала меня просто удивляло, что прогрессивная наша пресса трактует раскол в Союзе писателей как ссору голголевских персонажей, как тривиальную склоку, где спорящие стороны стоят друг друга. Хотелось крикнуть журналистам: ребята, имейте же совесть! Чьи книги вы читаете, ставите на полку у себя дома? Сравните таким простым способом вклад в культуру «левого» и «правого» лагерей — и все станет ясно. Так уж сложилось в России XX века, что живые и талантливые распадаются скорее слева, чем справа. Есть отдельные и немногочисленные исключения, но, как правило, настоящие писатели, ищущие, развивающиеся, — они, словно в песенке Окуджавы о московском метро, не стоят справа, а идут, держась левой стороны.

Потом пошли вещи не просто удивительные, а шокирующие. После идиотской попытки опечатать здание одного СП РСФСР и последовавшей затем пародийной «обороне» желтого дома (все по законам литературного развития: героическая «Илиада» 19—21 августа была трагедией «Войны лгушек и мышей» на Комсомольском проспекте) — после всего этого Ю. В. Бондарев из благополучного сановника брежневских времен вдруг преобразился в романтичного героя, чуть ли не невольника чести. На «прогрессивном» писательском пленуме Поменина заговорил о «Тынниной» и «Тыннин», а журналистка «Московского комсомольца» чуть ли не со слезой в голосе заявила, что Бондарев всегда останется для нее настоящим писателем. Будто не потешались еще вчера над красотками беспомощной «Игры», над кудрявыми метафорами публичных речей эрэфасовского босса! Позволил себе послышать и на «светлое»: недавно взял и специально перечитал «Тыннину». Она, по-видимому, у многих ассоциируется с воспоминаниями юности, с симпатичным кинофильмом и песней про безмятежную высоту. Сам же текст — третьесортная проза с жиденькой и робкой «интеллектуальной» тенденцией, соответствующей тогдашней конъюнктуре. Вся «драма» Бондарева — драма последственного писателя с неадекватной амбицией, не выдержавшего творческой конкуренции среди «левых» и поэтому ставшего первым среди «правых».

Еще комичнее ситуация с Прохоним, очень красиво и солидно смотрившим на страницах прессы в своих как допущенных, так и послепущенных интервью. Интересно, заглядывали ли журналисты, почтительно именуя его Проханова писателем, в его книги? Ничего плохого не хочу говорить об этом человеке, может быть, он даже человек хороший, но созданный природой ре-

шительно не для литературной деятельности. И мне представляется совершенно неадекватными попытки представить данного автора «словесным гештабом» и советским Киплингом. У соловья, как и у Киплинга, имеется голос, тексты же Проханова можно прочесть только при условии введения чрезвычайного положения, уничтожения остальных книг и, пожалуй, применения наручников.

Вот такие кивиркиво получаются. Писатели же прогрессивные имеют сегодня бледный вид и открыты для критики. Впрочем, так, наверное, и должно быть. Попробуем разобраться, почему раскол обернулся в пользу «правых» и каковы ошибки «левых» в этой сложной ситуации.

Начать, видимо, надо с «Апреля». Начать и тут же кончить. Лично я, услышав на собрании этого объединения произнесенные неинтеллигентным голосом слова: «и руководство «Апреля», и его рядовые члены...», потихоньку выбрался из зала и больше туда не ходил. Не созрели еще тогда предпосылки для демократической писательской организации, где все члены были бы рядовыми.

Как-то веселее стало, когда после провала диспутатора свободомыслия литераторы друг осмелели и впервые заявили о своих законных правах на достойное место в писательском союзе. Неформальным лидером «левых» стал в эти бурные дни Евгений Евтушенко. При всех нахлебных претензиях это яркая и броская фигура, громкая и в конце концов, поэт сильнее Ст. Куняева и тому подобных. Почему же, думаю, я и теперь, писательская революция не удалась и привела к вало-распылчатому итогу?

Потому, что в споре с литературными реакционерами прогрессисты стали, говоря языком Жванецкого, «не тем аргументом аргументировать». Вместо того чтобы справедливо обвинить дракочеловека в создании нетворческой атмосферы, беспомощности для писателя, — стали ему инкриминировать сотрудничество с пуги-стами, юридически некорректно. Вместо того чтобы возвестить о духовной пустоте и литературной деградации писателя, им приписали грандиозную роль подготовки репертоара. А те теперь отбихаются и делают это, надо признать, блестяще — во всю меру отпущенный им природой изворотливости.

Поймите, дорогие коллеги и единомышленники! В деле доносов, кривотворства, вранья на голубом глазу они всегда будут первыми и всегда нас оставят в дураках. Вот журнал «Молодая гвардия» уже заявил, что ничего против евреев не имеет, хотя в его нескольких номерах подряд было из одного материала без антимеметической «сверхадачки». Но мы-то должны не политическую статью подписывать для обвинения, а доказывать терпеливо и убедительно, что журнал «Молодая гвардия» насеквоз бездарен, что в нем нет ни одной талантливой строки и что в этом его главная вина. И нет у переводов литераторов другого права, кроме права на такую полемичку без всяких оргвыводов, но с влиянием на читателя, на общественную атмосферу!

А как оказалось проваленным по большому моральному счету такое прекрасное намерение, как прием в союз целого ряда достойных молодых и немолодых писателей! Что и говорить, физиономия нашей московской организации была сильно скошена вправо, когда в годы владычества Ф. Ф. Кузнецова изо всех сил заигрался красный свет перед лицами еврейской национальности, а также просто ин-

теллигентными лицами (вот, кстати, реальная вина «Фотия Фекловича», как назвал его В. Аксенов, перед литературой; беда еще и в том, что, не будучи ученым, этот деятель возглавляет академический институт — почему, черт возьми, не С. С. Аверинцев? — да, не за то волка бьют, что сер, но литературу и науку в первую очередь надлежит бить — конечно, морально — именно за это).

Так вот, составили прекрасный список: Айги, Аронов — можно только аплодировать и единогласно поднимать руки. Но в тот же список кто-то из блажейстерских соображений напихал несколько не имеющих литературных заслуг «позвоночников» — и этой ложкой дегтя все было ополщено.

Да, нелегкая эта работа — реформировать литературное дело в нашей стране. Как, впрочем, и всякая культурная работа, где «важнее труд и постоянство». И я хочу без всяких подвохов спросить уважаемых наших шестидесятников, что для них существование — посидеть в креслах, где им прежде сидеть не довелось, или же спасти литературу от гибели и вывозить. Проблем очень много, и все надо начинать сначала, мужественно проанализировав прежние просчеты.

Старый писательский союз рухнул бесповоротно — так же, как имперский «союз нерушимый». Споры нет: литература и «коллективизация» несовместимы. Я тоже за индивидуальный труд, маленькие литературные группы на эстетической платформе. Мне тоже противно в ситуации нынешнего сугубо политического раскола на две части «регистрироваться» в качестве «левого» (теперь в Литфонде, по-видимому, путевки будут выдаваться по четным числам реакционером, а по нечетным — прогрессистам, или наоборот). Но почему-то меня не радуют ни писательские крики: «Не нужен нам писательский союз», ни не нужен мне!», ни читательские возгласы: «Да разогнать надо всех этих писателей!» В первых мне слышится неприкрытый эгоизм, во вторых, простите, какал-то шариковщина.

В экономически и культурно отсталой стране литература не выживет без общественной поддержки и защиты. К тому же надо учитывать реальное соотношение сил. «Правый», эрэфасовский Союз писателей (главным образом неписателей) никогда не пойдет на самороспуск. И он может остаться единственным союзом, может найти контакт с не очень компетентными в литературном отношении властями (х сожаления, никак не могу забыть, что Б. Н. Ельцин не так уж давно называл любимым прозаиком Бондарева, а потом — Егора Исаява). Наконец, нельзя забывать о приближающемся и, быть может, уже неизбежном новом витке сползания в тоталитаризм, когда над прогрессивными литераторами может нависнуть опасность отнюдь не литературного свойства.

У нас в России слова «левый» и «правый», в отличие от Запада, не означают «радикальный» и «консервативный». «Правые» у нас несут знамя тоталитарного сознания (военного ли, правоправного ли, державного), «левые» — защищают крупный идеал свободной личности. И ошибки «левых» могут обернуться непоправимым поражением культуры.

Коротко

Ноктюрн Севелы

В РИГЕ известный писатель и режиссер Эфраим Севела приступил к съемкам картины «Ноктюрн Шопена». Фильм рассказывает о трагической любви русской девушки к еврейскому пианисту в военное время. По заверению самого режиссера, его сценарий состоит всего из десяти предложений, а всю остальную часть фильма заполнит музыка гонимого польского композитора.

И. Горюнова

Вот такое кино

МОЛОДОЙ писатель, поэт, журналист, актер, художник, композитор Роман Ассонба из Бенина немало удивил профессоров из ВГИКа, избрав темой для своей диссертации изобретенный им самим вид искусства — забюрографию. Новое направление, несомненно, должно заинтересовать режиссеров-авангардистов, так как предоставляет им возможность обходиться без камеры и кинолентки. Последнюю заменяет длинное белое полотно, на которое наклеиваются кусочки черного вельвета. «Ковер» под музыку перематывается с одного «барабана» на другой, создавая своеобразный эффект. В качестве сюжетов автор использует африканские мифы и предания, философские и пересмысленные.

Максим Андреев

Словарь сленга

ПЕРЕИЗДАНИЕ словаря жаргонного жаргона (продаваемого одно время во всех подземных переходах), очевидно, удостоилось наиболее догадливых предпринимателей на создание аналогичных произведений. Сейчас в Москве готовится к выходу двухтомный «Словарь русского сленга», куда в основном войдет самый ходовой жаргон музыкальных тусовок. Составитель — московский рок-критик Александр Марквин и поэт, автор многочисленных рок-текстов Маргарита Пушкина — надеются, что новое издание будет пользоваться спросом среди самых широких слоев населения.

«Борис Годунов» в Вене

ВЕНСКАЯ опера возобновляет постановку «Бориса Годунова» Мусоргского, осуществленную режиссером Андреем Тарковским в лондонском театре Ковент-Гарден в 1983 году. В постановке принимает участие известный дирижер Клаудио Аббадо, бывший инцидентом приглашенным Тарковским и дирижером лондонского спектакля.

М. А.

Он — Мэрилин Монро

ГЕРОЙ документального фильма ленинградской киноиндустрии «Человек и время» — Мэрилин Монро (режиссер И. Голубева) — художник Владимир Малышев. Он хорошо известен западной, но не советской публике. Его среда обитания — ленинградская тусовка поэтов, композиторов и художников. Здесь он и появляется в костюме Мэрилин Монро, на которую похож как двойник, и, кроме того, пишет картины, которые так или иначе связаны с именем знаменитой американской актрисы. Фильм запрещен для показа детям до 16.

«НГ»

Коротко

О СЕРЕЖЕ ДОВЛАТОВЕ

Мир уродлив, и люди грустны

Иосиф Бродский

Литература

ЗА ГОД, прошедший со дня его смерти, можно, казалось бы, немного привыкнуть к его отсутствию. Тем более что виделись мы с ним не так уж часто, в Нью-Йорке, во всяком случае. В родном городе еще можно столкнуться с человеком на улице, в очереди перед кинотеатром, в одном из двух-трех приличных кафе. Что и происходило, не говоря уже о квартирах знакомых, общих подружек, помещенных тех немногих журналов, куда нас пускали. В родном городе, включая его окрестности, топография литератора была постижимой, и, полагаю, три четверти адресов и телефонных номеров в записных книжках у нас совпадали. В Новом Свете, при всех наших взаимных усилиях, совпала в лучшем случае одна десятая. Тем не менее к отсутствию его привыкнуть все еще не удается.

Может быть, я не так уж привык к его присутствию — особенно принимая во внимание вышесказанное? Склонность подозревать за собой худшее может заставить ответить на этот вопрос утвердительно. У солистизма есть, однако, свои пределы: жизнь человека, даже близкого, может и избезжиться; смерть заставляет нас опомниться. Представить, что он все еще существует, только не звонит и не пишет, при всей своей привлекательности и даже доказательности — ибо его книги до сих пор продолжают выходить — немиссия: я знал его до того, как он стал писателем.

Писатели, особенно замечательные, в конце концов не умирают; они забываются, выходят из моды, перестают существовать, писатель для читателя всегда присутствует. В момент чтения читатель становится тем, что он читает, и ему в принципе безразлично, где находится автор, каковы его обстоятельства. Ему приятно узнать, разумеется, что автор является его современником, но его не особенно огорчает, если это не так. Писатель, даже замечательный, на душу человека приходится довольно много. Больше, во всяком случае, чем людей, которые вам действительно дороги. Люди, однако, умирают.

Можно подойти к полке и сжать с нее одну из его книг. На обложке стоит его полное имя, но для меня он всегда был Сережей. Писателя уменьшительным именем не зовут; писатель это всегда фамилия, а если он классик — то еще и имя и отчество. Лет через десять-двадцать так это и будет, но я — я никогда не знал его отчества. Тридцать лет назад, когда мы познакомились, ни об обложках, ни о литературе вообще речи не было. Мы были Сережей и Иосифом; сверх того, мы обращались друг к другу на «вы», и изменить эту возвышенно-ироническую, слегка отстраненную — от самих себя — форму общения и обращения оказалось не под силу ни алкоголю, ни неслепому прыжку судьбы. Теперь ее уже не изменит ничто.

Мы познакомились в квартире на пятом этаже около Флиндского вокзала. Хозяин был студентом филологического факультета ЛГУ — ныне он профессор того же факультета в маленьком городке в Германии. Квартира была небольшая, но алкоголя в ней было много. Это была зима то 1959-го, то ли 1960 года, мы осаждали тогда одну и ту же коротко стриженную, лыжонидную крепость, расположенную где-то на Песках. По привычке слишком диловым, чтоб их тут переключить, осаду эту мы приняли вскоре снять и уехать в Среднюю Азию. Вернувшись два месяца спустя, я обнаружил, что крепость пала.

Мне всегда казалось, что при гигантском его росте отношения с нашей прозиметрией белобрысой реальностью должны были складываться у него довольно своеобразным образом. Он всегда был замечательным издателем, особенно учитывая безупречные перспективы родного города, и невольно оказывался центром внимания в любом его помещении. Думаю, что это его несколько тяготило, особенно в юности, и его манерам и речи была свойственна некая ироническая предупредительность, как бы оправдывавшая и извинявшая его физическую избыточность. Думаю, что отчасти поэтому он и впадал впоследствии в перо: ощущение граничащей с абсурдом парадоксальности всего происходящего — как вовне, так и внутри его сознания — присуще практически всему, из-под пера этого вышедшему.

С другой стороны, исключительность его облика избавляла



Иосиф Бродский и Сергей Довлатов

его от чрезмерных забот о своей наружности. Вся жизнь, сколько я его помню, он проходил с одной и той же прической: я не помню его ни длинноволосым, ни боролатым. В его массе была определенная законность, более присущая, как правило, брюнетам, чем блондинам; темноволосый человек всегда более конкретен, даже в зеркале. Филологические девушки называли его «наш араб» — из-за отдаленного сходства Сережи с повивавшим тогда впервые на наших экранах Омаром Шарифом. Мне же он всегда смутно напоминал императора Петра — хотя лицо его нарисовано было лишь петровской кошачьей, — ибо перспективы родного города (как мне представлялось) хранит память об этой неумолимой шагавшей версте и кто-то должен время от времени заполнять оставленный ею в воздухе вакуум.

Потом он исчез с улицы, потому что зарекался в армию. Вернулся он оттуда, как Толстой из Крыма, со свитком расказов и некоторой ошеломленностью во взгляде. Почему он притянул их мне, было не очень понятно, поскольку я писал стихи. С другой стороны, я был на пару лет старше, а в молодости разница в два года весьма значительная: скажешь, что это была средняя школа, комплекс старшеклассика; если вы пишете стихи, вы еще и в большей мере старшеклассик по отношению к прозаикам. Следуя этой иерархии, покажи нам расказов свои еще и Найману, который был еще в большей мере старшеклассиком. Об обоих нас тогда еще сильно достало; показывать их нам он, однако, не перестал, поскольку же прекращал их сочинять.

Это ощущение к пишущим стихам сохранялось у него на всю жизнь. Не берусь гадать, какая из наших, в те годы преобладающе снизкориторно-иронических, оценок и рассуждений была ему польза. Безусловно одно — двигало им вполне бесознательное ощущение, что проза должна мериться стихом. За этим стояло, безусловно, нечто большее: представление о существовании душ более совершенных, нежели его собственная. Независимо, годился ли мы на эту роль или нет — скорее всего, что нет; важно, что представление это существовало; в итоге, однако, никто не оказался в накладе.

Оглядываясь теперь назад, ясно, что он стремился на бумаге к лаконичности, к лапидарности, присущей поэтической речи: к предельной емкости выражения. Выражающийся таким образом по-русски всегда дорого расплачивается за свою стилистику. Мы — нация многословная и многосложная; мы — люди придаточного предложения, завихряющихся прилагательных. Говорящий кратко, тем более — кратко пишущий, обескураживает как бы компрометирует словесную нашу избыточность. События, отношения с людьми вообще начинают восприниматься балластом, мертвым грузом — и сам собеседник первый, кто это чувствует. Даже если он и настраивается на вашу частоту, хватает его ненадолго.

Зависимость реальности от стандартов, предлагаемых литературой, явление чрезвычайно редкое. Стремление реальности навязать себя литературе — это более распространенное. Все обходится благополучно, если писатель — просто повествователь, рассказывающий истории, случаи из жизни и т. п. Из такого повествования всегда можно выкинуть кусок, подрезать фабулу, переставить события, изменить имена героев и место действия. Если же писатель — стилист, неизбежна катастрофа: не только с его произведениями, но и житейская.

Сережа был прежде всего замечательным стилистом. Расказыв его держался более всего на

ритме фразы, на кadenции авторской речи. Они написаны, как стихотворения; сюжет в них имеет значение второстепенное, но только повод для речи. Это скорее пенне, чем повествование, и возможность собеседника для человека с таким голосом и слухом, возможность друга — большая редкость. Собеседник начинает чувствовать, что у него — каша во рту, и так это на деле и оказывается. Жизнь превращается действительно в соло на удерживе, ибо рано или поздно человек в писателе впадает в человека: не от сюжета, но от стиля.

При всей его природной мягкости и добротности, несовместимости его с окружающей средой, прежде всего — с литературной, была неизбежной и очевидной. Писатель в том смысле творец, что он создает тип сознания, тип мироощущения, долгие существовавший или не описанный. Он не как зеркала действительности, но и как зеркало, а как объект, на который она нападает; Сережа при этом еще и улыбался. Образ человека, возникающий из его расказов, — образ с русской литературной традицией не совпадающий, и, конечно же, весьма автобиографический. Это — человек, не оправдывающий действительности или себя самого; это человек, от нее отмахивающийся; скорее, выходящий из помещения, нежели пытающийся навести в него порядок или усмотреть в его загаженности глубинный смысл, руку providения.

Куда он из помещения этого выходит — в расписную, на край света, за тридевять земель, — дело десятое. Этот писатель не устраивает из происходящего с ним драмы, ибо драма не устраивает; ни физическая, ни психологическая. Он замечателен в первую очередь именно отказом от трагической традиции (что есть всегда благодарное имя инерции) русской литературы, равно как и от ее утешительного пафоса. Тональность его прозы — национально-сдержанная, при всей отчаянности существования, ни описываемого. Разговоры о его литературных корнях, влияниях и т. п. — бессмысленны. Ибо писатель — то дерево, которое отталкивается от почвы. Скажу только, что одним из самых любимых его авторов всегда был Шервуд Андерсон, «История расказчика» которого Сережа берет пуце всего на свете.

Читать его легко. Он как бы не требует к себе внимания, не настаивает на своих умозаключениях или наблюдениях над человеческой природой, не навязывает себя читателю. Я проглаживал его книги в среднем за три-четыре часа непрерывного чтения; потому что именно от этой ненавязчивости его тон трудно было оторваться. Неземная реакция на его расказы и повести — признательность за отсутствие претензии, за трезвость взгляда на вещи, за эту негромкую музыку здравого смысла, звучащую в любом его абзаце. Тон его речи воспитывает в читателе сдержанность и действует отрезвляюще: вы ставитесь им, и это лучшая терапия, которая может быть предложена современнику, не говоря — попусту.

Неусуп его в отечестве не случаен, хотя, полагаю, времени Успех его у американского читателя в равной мере естественен. Его оказалось сравнительно легко перевести, ибо синтаксис переводчика. Решающую роль, однако, сыграла, конечно, узнаваемая любым членом демократического общества тональность — отдельного человека. Не позволяющего навязать себе статус жертвы, свободного от комплексов исключительности. Этот человек говорит как равный с равными: он смотрит на

людей не снизу вверх, не сверху вниз, но как бы со стороны. Произведения его — если они когда-нибудь выйдут полным собранием, можно будет с полным правом предостать в качестве эпиграфа строчку замечательного американского поэта Уоллеса Стивенса: «Мир уродлив, и люди грустны». Это подходит к ним по содержанию, это и звучит по-Сережински.

Не следует думать, будто он стремился стать американским писателем, что был «подвержен влиянию», что нашел в Америке себя и свое место. Это было далеко не так, и дело тут совсем в другом. Дело в том, что Сережа принадлежал к поколению, которое восприняло идею индивидуализма и принцип автономности человеческого существования более всерьез, чем это было сделано кем-либо и где-либо. Я говорю об этом со знанием дела, ибо имею честь — великую и грустную — к этому поколению принадлежать. Нигде идея эта не была выражена более полно и внятно, чем в литературе американской, начиная с Мелвилла и Уитмена и кончая Фолкнером и Фростом. Кто хочет, может к этому добавит еще и американский кинематограф. Другие вправе тоже объяснить эту нашу приверженность удрученным климатом коллективизма, в котором мы выросли. Это звучит убедительно, но соответствует действительности не будет.

Идея индивидуализма, человека самого по себе, на отшибе и в чистом виде, была нашей собственной. Возможность физического ее осуществления была ничтожной, если не отсутствовала вообще. О перемещении в пространстве, тем более — в те пределы, откуда Мелвилл, Уитмен, Фолкнер и Фрост к нам явились, не было и речи. Когда же это оказалось осуществимым, для многих из нас осуществление это было полуделом: что именной реализации этой идеи мы больше не нуждались. Ибо идея индивидуализма к тому времени стала для нас действительно идеей — абстрактной, тенью идеи — если угодно, метафизической, если угодно, категорией. В этом смысле мы достигли в сознании и на бумаге куда больше автономии, чем осуществима во плоти где бы то ни было. В этом смысле мы оказались «американцами» в куда большей степени, чем большинство населения США; в лучшем случае нам оставалось узнавать себя «на лицо» в понятиях и институтах того общества, в котором волею судьбы мы оказались.

В свою очередь, общество это до определенной степени узнало себя и нас, и этим и объясняется успех Сережинских книг у американского читателя. «Успех», впрочем, термин не самый точный; слишком часто ему и его семейству не удавалось свести концы с концами. Он жил литературной подпитанной, всегда скверно оплачиваемой, а в эмиграции и тем более. Под успехом я подразумеваю то, что переводы его переводов печатались в лучших журналах и издавались в лучших странах, а не контрафакты с Голливудом и обьем неидеальности. Тем не менее это была подлинная, честная, страшная в конце концов жизнь профессионального литератора, и жалоб у него никогда не слышал. Не думаю, что об этом сильно горевал по отсутствию контрактов с Голливудом — не больше, чем по отсутствию оных с «Мосфильмом».

Когда человек умирает так рано, возникает предположение о допущенной или эти окружающими ошибке. Это — естественная попытка защититься от горя, от чудовищной боли, вызванной утратой. Я не думаю, что от горя следует защищаться, что защита может быть успешной. Рассуждения о других вариантах существования в конце концов унизительны для того, у кого варианты этих не оказались. Не думаю, что Сережинская жизнь могла быть прожита иначе; думаю только, что конец ее мог быть иным, менее ужасным. Столь кошмарного конца — в удручающий летний день в машине «скорой помощи» в Бруклине, с хлынувшей по щекам кровью и двумя пузро-риканскими лодурями в качестве санитара — он был сам никогда не надеялся; не потому, что не предвидел, не потому, что питал непоправимый и чересчур сильным эффект.

От горя, повторяю, защищаться бессмысленно. Может быть, даже лучше дать ему полностью все развалиться — это будет, по крайней мере, хоть как-то прощание с тем, что случилось. Если вам впоследствии удастся подняться и распрямиться, распрямится и память о нем, когда вы утратили. Сама память о нем и поможет вам распрямиться. Тем, кто знает Сережу только как писателя, сделать это, наверное, будет легче, чем тем, кто знал и писателя, и человека, ибо мы потеряли обоих. Но если нам удастся это сделать, то и помнить его мы будем дольше — как того, кто больше дал жизни, чем у нее взял.

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР • МИКРОДИН • ПРЕДЛАГАЕТ ПОЛНЫЙ НАБОР ОРГТЕХНИКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ОФИСОВ... OLYMPUS Новое поколение диктофонов на микрокассете НАДЕЖНЫЙ, ЛЕГКИЙ, УДОБНЫЙ, ЭКОНОМИЧНЫЙ... ПРИГЛАШАЕМ ВАС НА ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩУЮ ВЫСТАВКУ... ВАШ ОФИС - ЭТО ВАШЕ ЛИЦО

СТИЛЬ ЖИЗНИ

НА ОБЛОМКАХ САМОВЛАСТЯ

Александр Генис

КАЖДЫЙ ГОД 1 сентября я, учащийся 15-й средней школы города Риги, вместе со всеми остальными школьниками латвийской столицы приношу букет цветов к памятнику Ленину. И ни разу я не поднимал голову выше пьедестала. Как я потом ни старался, мне не удавалось вспомнить, во что одет был каменный(?) Ильич, в какой руке он держал кепку и куда простирал другую, свободную, руку. Только сейчас, в Нью-Йорке, на экране телевизора, в первый — и теперь уже последний — раз я наконец разглядел рижского Ленина, когда его носили.

Идею — собрать всех Лениных в особый скульптурный парк, который будет уникальным заповедником языческого мироощущения.

Народ — тут, кажется, умеет этот сакраментальный термин — решил распорядиться памятниками иначе: разрушить их. Несомненно, это наиболее радикальный шаг, но совсем не в том направлении. Погром памятников — последняя попытка окинуть тех, кому они поставлены.

Зрелая советская действительность последних десятилетий слишком далеко отошла от коммунизма, чтобы как-то реагировать на него. Любуй лозунг, ставший скороговоркой, — союзникнипятидесятилет и я о к-тября, — расторвался в других газетных штампах. Только редкий диссидент мог напряженно воли раздать такое клише на значащие слова, устремив смертельную угрозу в коммунистическую идеологию, с которой на самом деле некому было бороться, потому что некому было ее защищать.

Перестройка, правда, пыталась реставрировать старую веру, огибая ее осязано. Но действовавшая она в рациональном ключе, поверяла мифы истории. В результате такие слова, как «социалистический выбор», одновременно обрели и потеряли всякий смысл. В отличие от других партийных заклинаний этот программный девиз, намекавший на какой-нибудь шведский вариант, был слишком конкретен и прагматичен. Он поощрял идеал в поле реальности, но реально не позволял недосагаемой. Как сказал один советский экономист, «из шведского социализма у нас ничего не выйдет — для этого в России слишком мало шведов».

Председательный вздох уже не коммунистической идеологии, а ностальгии по ней можно было услышать в трагическом призыве освободившегося из плену Горбачева, который, казалось, искренне говорил о своей верности великой гунной эмпатии. Но и этой эмпатии хватало на день-два: Горбачев

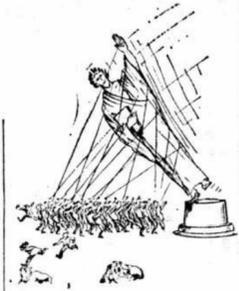


Рисунок Вагима Мисекова.

его — миф не имеет знака. С его точки зрения нет разницы между добрым и злым демоном. Главное, и то, в другой области — сверхъестественной силе. Такой силой толпа и надеется повергаемых ныне истуканов.

Остраннение, то есть возвращение из небытия, Дзержинские, Свердловы, Ленины занимают места на теперь уже незримом, материально невоплощенном коммунистическом Олимпе, чтобы оттуда осязать своих гонителей.

С. Аверинцев писал: «Любое религиозное сознание самой своей сущностью призвано создавать для себя систему сакральных знаков и символов, без которых оно не могло бы описать свое «неизреченное» содержание».

Неизреченное содержание революционной веры сконцентрировано теперь не в памятниках ее апостолам, а на тех местах, где они стояли. Не случайно уже началось поклонничество и опустевшим площадям и старым. Идея, утратившая свою банальную, риторическую, словесную оболочку, вновь обрела мистический статус. Убивать можно только живых, опровергать только то, что имеет смысл, бороться только с теми, кто сопротивляется.

Стоит вспомнить, что иконоборческое движение восточные гонили не скептицизм, а религиозное горение. Иконы жгли, чтобы очистить от людской сверки божественный первообраз.

Разрушение памятников — последняя перестроечная акция, но не деяние людей, освобожденных от власти мифологического сознания. Тут следуют говорить не о богоборчестве, а о реформаторском пафосе. Так протестанты обдирали стены церквей, чтобы освободить место для «неизреченных» истин.

Те истины, ради которых свергают памятники, тоже нельзя сформулировать, «изречь». Важно, что они есть. Оскаротские пьедесталы жгут новых постов. Так, уже появилось предложение — поставить на место Феликса Дзержинского Александра Солженицына. Типично революционная идея: сменить палача на жертву, дворцы — на хижины, царя — на кухарку. Есть и другая мысль — украсить Лубянский площадь «памятником Иисусу Христу». И в том, и в другом случае логика революции требует зафиксировать победу возмущенного народа, теперь уже правящего мира. В жертву этому стремле-

нию опять приносит та самая вторая заповедь, пренебрежению которой и привело к появлению монументальной поросли. Однако главное желание заложить один святыне образ дружинного смысла антикоммунистического вандализма. Парадокс в том и заключается: остранение идеи выявляет ее сакральное ядро, что и является предпосылкой к ее окончательному изживанию, преодолению. Чтобы коммунизм победить, его надо прежде всего заметить.

Подлинное, сокровенное значение происходящего раскрывается в том, что народ плещет на «гробах поваленных», то есть обращает в руины свое прошлое. Нелепо оценивать эту варварскую пляску с эстетических позиций. И не только потому, что 99 процентов всех монументов не имеют никакой художественной ценности. Даже если разрушительный поток сметет такие подлинные шедевры, как Мавзолей, или «Ленина на бронезащитке».

Памятники советской власти еще не стали памятниками. Прежде чем попасть в музей, культура должна обратиться в руины. Эстетизация подожмет только остатки. Возрождать можно только то, что было мертвым. Живая античность пошла бы родиться Ренессансу. Никто не видел целого Парфенона. Зато его развалины облагораживали нашу жизнь — каждый американский банк гордится нардыть себя дорическим орденом.

Новая культура питается обломками старой — одна растет и только на руинах другой. Созидание культуры невозможно без разрушения. Тут, вопреки поговорке, ломать и значить строить. В этом двуедином процессе — источник духовной энергии. Камни античных храмов шли на постройку христианских церквей. Музей же — все-таки последняя остановка на пути культуры и забвения. Прогноз — закономерное на его полях, уже не тревожит создание современников. С умерщвленной музейным формализмом — ею можно только восхититься.

Советская власть сейчас живет в том заторе, который отдалекает климатическую смерть от окончательной — биологической. Народ, сокрушая памятники, воспользовался этим моментом мудрости: только превратив в руины артефакты коммунистической культуры, их можно пустить в дело — в создание новой культуры.

Многолетний опыт советской жизни нельзя перечислить — его надо преодолеть, а для этого — инкопорировать, вобрать в себя. Не только России — всему Советскому Союзу придется распорядиться общим наследством: никакие политические декларации, никакие суверенитеты не помогут избавиться от него. Из истории нельзя вырвать страницы, которые кажутся лишними.

Как бы ни называлась новая культура — свободная, демократическая, национальная, — прежде всего она будет постсоветской.

Постсоветская общность объединит осколки империи прочнее, чем таковой и «почечной» революции. Культура живуче политики. И это ни хорошо, ни плохо: ведь и культура — часть того самого мифа, который не различает плюсов и минусов.

Поэтому только на посторонний, чужой или поперечный взгляд варварство толпы кажется бессмысленным всплеском слепой ярости. Может, ярость эта и слепа, но в конечном счете платоотвора. Обломки памятников оплодотворяют будущее. Они обеспечивают культуру преемственностью обществу, запояны зияющий провал между тем, что было до 17-го, и тем, что будет после 91-го.

Культура, как и природа, не терпит пустоты. Заполняя ее руины.

Е. А.

Без гнева пристрастия (Тацит)

НЕЗАВИСИМАЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ Московский гооидский Совет народных депутатов

Главный редактор Виталий ТРЕТЬЯКОВ

РЕДАКЦИЯ Александр Г.ГУА, зам. главного редактора, отдел респ.бл. Игорь ЗАРАРОВ, зам. главного редактора Александр ТЕРЕНТЬЕВ, ответственный секретарь Дмитрий ОСАЛЬСКИЙ, отдел юстиции Михаил ЛЕОНТЬЕВ, отдел экономики Владимир АБАРИНОВ, отдел международной жизни Андрей ПОЛЕЩУК, отдел «Общество» Андрей КАРАУЛОВ, отдел культуры Леонид КОРЕНЕВ, редактор «Собрания Независимой газеты» Александр БАНГЕРСКИЙ, отдел международных связей Ирина БОГАГ, редактор газеты «Independent from Russia» Сергей СМЕРНОВ, отдел рекламы Ирина ДЕНИСЕНКО, заведующая редакцией

Экономический директор Игорь БАРАНОВ

Вадим ВАРШАВСКИЙ, зам. экономического директора по коммерческим вопросам Эрик АДАМУШКИН, зам. экономического директора по производству Александр КОКОРЕВ, отдел распространения

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 101000, ГСП, Мясницкая (б. Кирова), 13. Телефоны: справки 924-47-06; распространение 925-31-80; реклама 925-17-40.

Тираж 270 000 Заказ № 3344 Газета набирается в типографии издательства «Известия» В 1991 году газета выходит в Москве, Тбилиси и Южно-Сахалинске по вторникам, средам, четвергам и субботам Распространяется только в розницу через киоски «Союзпечати»

Пресса

ГОСПОДИНУ ТОВАРИЩУ НУЙКИНУ!

В 37-м НОМЕРЕ «Московских новостей» Вы опубликовали трехстраничные заметки, названные «Рыбу — ножом!» В этих заметках — высказывание свое мнение — в неприязненных тонах и с прямыми подлогами Вы поминаете «Независимую газету». По сему поводу имею сообщить Вам следующее.

В приличном обществе принято называть автора статьи, которую Вы цитируете. Автор (в данном случае) является обозреватель «НГ» Сергей Пархоменко. Он подвергает жесткой, но объективной анализу события на последнем съезде народных депутатов СССР. Вы можете не разделять его оценки, сделанные С. Пархоменко, но не можете права, если Вы человек чести, идти на прямой подлог.

Да, последние строки статьи Пархоменко действительно звучат так, как Вы цитируете: «Давление, снова давление и контрдавление... Вот что оцаряется во внутривластном политическом кризисе страны, начинающейся за гибелью съезда...» События показывают, что именно это и происходит. Впрочем, Вы можете, уже без кавычек, Вы пишете «Независимой газетой» возмущение по поводу «строительства баррикад москвичами», разрешив границу без визы и т. п. Где и когда писала об этом «НГ» или С. Пархоменко? Зачем Вы лжете?

В Вашей статье, где речь идет практически об одной «НГ» (к которой Вы «приспешиваете» как-то Вам одному, видимо, известным дам), написано: «Так что, дорогие дамы от политики в юбках и штанах, утрите ваши слезы. Победа над хунтой не столь уж мрачное событие, хотя, разумеется, она огорчила вас». Это, господин Нуйкин, извините, политическое хамство. Оно не расширяет даже неуклюжим складом процитированной мною фразы (огорчила победа над хунтой или огорчила хунта?). Сказать такое о «НГ» (повторяю — только о ней Вы пишете в своей «Рыбе») — предел (или беспредел) либо клеветы, либо абсурда, либо клеветы. Можете сами выбрать то, что более соответствует Вашим намерениям.

Наконец, последняя цитата из Вашей «Рыбы»: «Почему, интересно, товарищи плакальщицы, мы не слышали ваших гневных голосов, когда парламенты Союза и республик на ура принимали законопроект, разрешающий милиции в любое время суток врывать в жилые саншанки прокурора в наши кухни и спальни, а тайной поли-

ции — вполне явно перлюстрировать наши письма, подслушивать наши телефонные разговоры и копаться в наших коммерческих тайнах, то есть плевать в лицо столь любимой вами конституции!..»

Не знаю, господин Нуйкин, кто и когда в Ваши кухни и спальни врывается, в каких Ваших коммерческих тайнах копался, но еще раз повторю: политическое хамство по отношению к «НГ» в Вашей «Рыбе» может сравниться по масштабу только с Вашей же чудовищно гигантской претензией «учить других», что и как писать. Сомневаюсь при этом, господин Нуйкин, что Вы не знали, где была «НГ», когда «врываются в ваши спальни». Помогите мне, что именно в «Независимую газету» принесли Вы отругнутую весьма популярным и весьма демократическим ежедневником статью о Нагорном Карабахе. Не в какое иное издание, а в «НГ».

Сомневаюсь также, что забыли Вы, что по факту этой статьи по инициативе прокуратуры СССР было возбуждено уголовное дело о разжигании А. Нуйкиным «межнациональной розни». И я, главный редактор «НГ», в беседе со следователем сказал, что не нахожу ничего подобного в статье Нуйкина и что, если будет необходимость, редакция предоставит Нуйкину своего адвоката. Из представления его, Нуйкина, интересов в ходе следствия.

Если бы не было этого — Вашего желания опубликовать ответную кем-то статью в «НГ», — я бы просто не стал публично объясняться с Вами по поводу Вашей «Рыбы». Но должны же быть хоть какие-то границы приличия или беспамятства.

Буде случится, что еще какой-нибудь из Ваших опусов отвернет по причине излишней остроты какакой-либо демократической газеты или журнала, не утруждайте, пожалуйста, себя, г-н Нуйкин, походом в нашу газету. «НГ» Ваших статей больше печатать не будет.

Вы все налупорили в своей «Рыбе» о джентльменах. И в последних строках даже выражаете надежду, что и вы (то ли Вы лично, то ли купе с кем-то), глядясь, «хороших манер наберетесь». Дайто бог! Но «Независимая газета» не печатает тех, кто уже набрался хороших манер, а не тех, кто еще только собирается это сделать. Да еще с помощью революции.

Примите, товарищ Нуйкин, мои заверения и пр. Виталий ТРЕТЬЯКОВ, главный редактор «НГ»

Книги

КАК МНЕ НЕ УДАЛОСЬ СТАТЬ СПАСИТЕЛЕМ ГОРБАЧЕВА

(Ни в романе, ни в жизни)

Эдуард Тополь

В МАЕ 1987 ГОДА мой агент Антони Гарднер организовал мне встречу с одним из заместителей командующего американскими военно-воздушными силами. Он оказался полковником лет сорока трех, среднего роста, подтянутый, и с тем особым шиком в офицерской выправке, который отличает парашютистов. На груди у него был значок не то за двести, не то за триста прыжков. Усадив меня в кресло за журнальным столиком, он сел напротив, улыбнулся и спросил, чем может быть полезен русскому писателю.

На своем чудовищном английском я сказал, что я скорей американский писатель, который пишет по-русски, и в доказательство предъявил пару своих книг, вышедших к тому времени в США. Услышав мой континентальный английский, полковник улыбнулся еще шире и спросил, чем он может быть полезен американско-русскому писателю.

«Если завтра в России произойдет переворот и хунта консерваторов-коммунистов свергнет Горбачева, есть ли у вас на этот случай какой-нибудь план военного вмешательства и спасения советского лидера-реформиста?» — сказал я по-английски заранее приготовленную и поэтому более-менее грамотную фразу.

Полковник откинулся в кресле, и улыбка исчезла с его лица. «Американское правительство не вмешивается во внутренние дела других стран», — сказал он с тем особым выражением на лице, после которого зараво-мысливший посетитель должен встать, извиниться и покинуть кабинет.

Но я остался в кресле. И стал излагать ему план своего романа «Завтра в России», над которым тогда работал.

А теперь представьте себе 1987 год, зарю прогорбачевской эйфории на Западе и генштаб американской армии еще до Панамы и до освобождения Кувейта. И вдруг в этот еще крайний робкий генштаб приходит какой-то сумасшедший и на диком английском языке начинает растекать, что уже набрался хороших манер, а не тех, кто еще только собирается это сделать. Да еще с помощью революции.

Примите, товарищ Нуйкин, мои заверения и пр. Виталий ТРЕТЬЯКОВ, главный редактор «НГ»

нимателей. А когда в стране вспыхнул всеобщая забастовка и локальные восстания, то «Патриотическое правительство национального возрождения» объявил народу «атомный ультиматум»: если народ не сложит оружие и не покинет их приказом, то по восставшим будет нанесен удар атомным и ракетным оружием.

«Обсудив полковник, неужели в ваших военных академиях вам говорили, что коммунисты добровольно отдадут власть народному правительству, если консервативная коммунистическая хунта действительно сбросит парочку ракет с атомными боеголовками где-нибудь в Сибири или на Урале по своему собственному, но восставшему народу? Неужели и тогда вы будете говорить о политике невмешательства? Даже если эти атомные бомбы будут грозить нам новыми облаками Чернобыля?»

Позволю себе напомнить, что дело происходило за два года до падения Берлинской стены и режимов Чаушеску, Хонеккера и Живкова, и как раз тогда, когда по американскому телевидению прошел многосерийный фильм «America» — об оккупации США советскими войсками. Именно этот фильм, популярный у нас в США, как в России в свое время был популярны «17 мгновений весны», позволил мне заинтересовать полковника.

Я понимаю, что в это трудно поверить, но тем не менее еще в мае 1987 года в Пентагоне в мое распоряжение, бывший журналист и сценарист (например, фильм «Юнг Северного флота»), а затем американско-русский писатель, совместно с зам. командующего американскими ВВС начал разрабатывать две воздушные десантные операции — одну по аресту хунты, спрятавшейся в бомбоубежище генштаба советской армии в Жигулях, под сократительным гранитным Жигулевским плато, а вторую — по освобождению Горбачева из ссылки. Мои полковник из Пентагона настоятельно в эту ирку, что сжал телефонную трубку, набрал какой-то номер и быстро переговорив с кем-то, сказал мне:

«Если хотите, можете съездить в Форт Брэд в 82-ю парашютно-десантную дивизию. Вас там примет начальник штаба дивизиона. Он говорит на шести языках, включая японский. И вы уточните с ним детали операции. Задочно посмотрите тренировки десантников».

Только через некоторое время, когда именно 82-я десантная дивизия штурмовала Панаму, я понял, что в Пентагоне к моей «утопии» отнеслись серьезно — меня направили именно в ту дивизию, которая 21 августа 1991 года — по просьбе Ельцина, если бы до этого дошло дело, — могла подняться в воздух и лететь в Крым...

А тогда я провела в этой дивизии четыре дня, видела, как ссажили поезда сбрасывать на парашютах танки и орудия и как ровно через 20 секунд приземления этих танков в них уже сидят экипажи и начинают атаку. Впрочем, не это произвело на меня тогда самое сильное впечатление.

А произошло это потому, что я, и Язов с Крючковым ошиблись ровно на два года. Если бы я в романе, а дня в жизни провели переворот не в августе 1991 года, а в августе 1989 (вспомните август 1989-го! Тогда «ельцинская оппозиция» повела только сине!), то дело могло поверить мне на слово! — дело могло запоздно пойти и до сибирской ссылки Горбачева, и до высидки американских десантников в Жигулях...

Впрочем, если бы Язов кормил своих солдат так, как кормил солдат в американской армии, то не исключено, что 82-я парашютно-десантная дивизия тактично бы лететь в Крым спасать Горбачева!

К сожалению, мои издатели в США, Англии, Франции и других странах отнеслись к этому роману не так доверительно, как в Пентагоне. Я закончил его в 1988 году, в самый-самый разгар горбачевщины на Западе. И те самые издатели, которые печатали и продавали книги — «Красную площадь», «Чужое лицо», «Красный газ» и др., говорили: «Нет, этот роман нам не нужен! Даже если это окажется правдой, нам роман о свержении Горбачева ни к чему!» Новые нью-йоркская газета «Нью русское слово» опубликовала тогда, в 1988 году, эту книгу в сокращенном варианте.

Впрочем, западных издателей можно понять — роман закончился следующей эпитафией: «Последнему искреннему коммунисту, который покинул с коммунизмом на земле, — от благодарного человечества». То есть в романе заговорились показавшись решительней его показавшей в жизни, и поэтому мой десант не успевал спасти президента. А западные издатели, как известно, любят, чтобы был хеппи-энд.

Но советский президент — лично, или как у нас (у вас) говорят, персонально? Ведь он-то воспитан на русской реалистической литературе! Казалось бы, мог бы и поверить кирилл... (Об, сейчас, я думаю, можно и до этого сказать. Летом прошлого года в Нью-Йорке оказался Виталий Коротич. Он мне сказал, что в сентябре начинает печататься роман в «Огоньке» сам, лично, да его президенту публикация не состоялась. Но в сентябре, ни президент, ни в сентябре, ни президент не поверил в реальность осуществления описанных там событий. А зря...)

Первая презентация этого романа в СССР состоялась в мае, когда он был опубликован (с жуткой обложкой и большим купюрами) советско-британским СП (тираж 50.000). Вторая — в жизни, спустя три месяца — 19-21 августа 1991 года, как и было описано в романе, что легко проверить по советскому изданию. Как сказано в начале романа, «Восстание» в чем-то напоминает «Правду», которая у меня заняла 400 страниц и пять месяцев — от «Черного Августа» до «Красного января», в реальной жизни успели в три дня. С чем я вас, от себя души поздравляю.

А произошло это потому, что я, и Язов с Крючковым ошиблись ровно на два года. Если бы я в романе, а дня в жизни провели переворот не в августе 1991 года, а в августе 1989 (вспомните август 1989-го! Тогда «ельцинская оппозиция» повела только сине!), то дело могло поверить мне на слово! — дело могло запоздно пойти и до сибирской ссылки Горбачева, и до высидки американских десантников в Жигулях...

Р.С. Публикация этого письма Э. Тополя я хочу сопроводить эпитафией: сожалением: имея еще минувшей зимой рукопись романа «Завтра в России», я не сумел угодить своим коллегам напечатать его ни в отдельной книжке, ни в «Собрании Независимой газеты».

И. З.

Вверх дном

ГЛАС ВОПИЮЩЕЙ «ПРАВДЫ»

17 сентября в газете советских коммунистов помещен следующий курсивный (но, судя по всему, написанный на полном серьезе) текст: ПРЕЗИДЕНТУ СССР ГОРБАЧЕВУ М. С. ЧЛЕНАМ ГОССОВЕТА СССР Уважаемые товарищи! В нынешнем году в силу известных обстоятельств редакция газеты «Правда» оказалась в критическом положении. В настоящее время по ряду волеартистских, юридических необоснованных решений мы стали экономическими банкротами без каких-либо перспектив. Редакция лишена одним махом всех фондов — материальных, финансовых, не говоря уже про собственность. Даже статьи, за которыми писало поколения правдолюбцев, принадлежат не нам.

В связи с этим необходимо незамедлительно решить вопрос об официальной передаче в собственность газеты «Правда» здания, которое оно занимает, части газетного производства в типографии «Правды», а также вспомогательных учреждений. Все наши обращения на этот счет сегодня попросту игнорируются. А ведь с 1945 года газета «Правда» дала стране и партии более 700 миллионов рублей прибыли... «Правда» — это часть нашей истории, это общенациональное достояние, которым не имеют права распоряжаться отдельные люди, какие бы посты сегодня они ни занимали... Редакция «Правды» * * * Все смешалось не только на улице «Правды», 24, но и в умах редакторов одноименной газеты, что засвидетельствовано ими собственноручно (см. выше). Понимаем, что в столь неприятный для авторов, обращение момент нетактично отвлекать их внимание от борьбы за выживание. Однако уважение к

логике, здравому смыслу и печатному слову (ведь за чем-то этот SOS сделан достоянием гласности) вынуждают нас произнести вслух вопросы, над которыми, по всей видимости, не успели задуматься уважаемые партийные журналисты.

1. Почему нужно спасать «старейшую газету страны» с помощью высшего политического руководства? Если это достояние страны, то может быть, лучше обратиться к г-ну Губенко или сразу в ЮНЕСКО? 2. Какая часть собственности и по какому праву принадлежит «Правде»? 3. Кому пошли «более 700 миллионов рублей прибыли», которые газета «дала стране» (?) и партии и почему отсчет идет только с 1945 года? 4. Если никто не имеет права распоряжаться «общенациональным достоянием» (т. е. «Правдой»), то почему оно, право, предполагается за г. Горбачевым и г. членами Госсовета? 5. Какими ведомства пыталась душисть «Правду» морально (Моссовет)? (РУ? КГБ? или — страшно подумать — ЦК КПСР?), а теперь — экономически (Бе-

лый дом России? «Союзпечать»? Госбанк?).

Пятый вопрос относится уже к тексту редакционного комментария. В нем сообщается о наличии программы работы у «Правды». Газета становится на защиту «простого человека, рядового коммуниста» и отказывается от защиты интересов партократии и бюрократии («как это было совсем недавно», честно напоминают нам правдысты). И опять не дает покоя понятие «общенационального достояния». Что же, в него можно включить все — от колыхающихся лагерьей по главному органу КПСР? Нет, уверюют правдысты, «община прошлого — в прошлой!» — только верните награбленное. Как быть, и в самом деле вернуть? Но в самом деле только бездельники. Килучая же и весьма разносторонняя деятельность «Правды» за годы власти ВКП(б) — КПСС — ЧК — НКВД — КГБ служил порукой, что и в обновленной России читатели с «Правдой» не сокрушатся. Дайте только срок и юридические гарантии. Приватизация, которой столько лет страдала «Правда», оказывается единственным ее спасением.

Е. А.

Исторический календарь «НГ»

- 24 СЕНТЯБРЯ 1801 — Манифест о присоединении Грузии к России. 1941 — СССР присоединился к подписанной 14 августа Атлантической хартии. 1990 — ВС СССР наделил президента Союза ССР М. С. Горбачева «дополнительными» чрезвычайными полномочиями сроком на полтора года. 25 СЕНТЯБРЯ 1919 — «Анархисты подполья» произвели мощный взрыв в доме Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке, где проходило многолюдное совещание большевистских функционеров; убито 12, ранено 55 человек. Власть тут же приспала теракт «Белогордейца» и «кадетам». Последовали массовые расстрелы (несколько сот человек) «классово чуждых элементов» — заключенных московских тюрем.

- 1949 — Сообщение ТАСС об испытании в СССР атомной бомбы, спустя почти месяц после него (см. «НГ» № 101). 1987 — Опубликована изложение постановления ЦК КПСС «О неотложных мерах по ускорению решения продовольственного вопроса в соответствии с установками июньского (1987) Пленума ЦК КПСС». 26 СЕНТЯБРЯ 1941 — Советское правительство признало Шарля де Голля руководителем всех свободных французов. 1990 — ВС Казахской ССР принял Декларацию о суверенитете республики. 27 СЕНТЯБРЯ 1985 — Подан в отставку 80-летний предводитель СССР Н. А. Тихонов, которого сменил на этом посту 56-летний Н. И. Рыжков.

Быстро и качественно выполним работы на множительной технике современного образца. Телефон 928-7762

РЕКОРДНЫЕ СТАВКИ! Приглашаем специалистов со своими объемами работ оплата до 95% Метро «Красные ворота» Тел. 267-89-46 с 9 до 17